

and so θ is between
and 2π , $r = \sin \theta$
Retraces its steps.

С. Мамаев

Ледяная птица

Вторжение 3

Сайфулла Ахмедович Мамаев

Ледяная птица

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42696914

SelfPub; 2019

Аннотация

Золотой погиб, големы в Москве потерпели поражение, но Вторжение продолжается. Строительство Кольца близится к концу. Для полного превращения Земли в колонию осталось только включить комплекс, спрятанный высоко в горах. Волею судеб в эти же места выезжает группа кинодокументалистов. Они хотят снять фильм о красотах края, но вместо этого оказываются в самом эпицентре событий!

Содержание

Вторжение – 3	4
Глава 1	5
Глава 2	25
Глава 3	47
Глава 4	58
Глава 5	76
Глава 6	91
Глава 7	111
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Вторжение – 3

Тем, с кем довелось служить, тем, кто считал и считает себя офицерами, посвящается.

Начиналось следующее тысячелетие.

Земля находилась на пороге очередной войны.

Глава 1

Господи, какая жарница! Солнце как будто взбесилось, который день палит немилосердно, даром что сентябрь уже перевалил на вторую половину. В Краснодаре стоит такая погода, что впору вспоминать многочисленные теории глобального потепления. Правда, сосед по лестничной клетке, старенький пенсионер Петров, с которым повстречался утром, говорит, что в той же Москве сейчас весьма прохладно, да только кто в такое поверит? Вон как листву на деревьях скрутило. Прямо древний пергамент, такая пожухлая. Деревья в это время еще зелеными должны стоять, а вместо этого посмотри на них – какие-то бронзово-коричневые. И так везде, по всему городу. Разве что у водоемов еще остались небольшие островки зелени, а так весь город скоро в некое подобие Сахары превратится.

Герман прищурил глаза. Черт, до чего же ярко светит солнце! Даже в тени и то смотреть больно: никакие защитные очки не помогают. Да и может ли помочь такая дешевка, как у него? Скорее вред от них. Вон по телевизору говорили как-то, что только дорогие очки могут спасти глаза, все остальное от лукавого. Еще бы сказали, где их бесплатно дают, эти дорогие очки. А когда в желудке вот уже три дня ни крошки не было, думать о зрении не приходится. Пожрать бы, но и это сейчас проблематично. Хорошо еще, что

родители не дожили до такого позора. Да и от женитьбы бог уберег. А сколько соблазнов было! Это он сейчас безработный майор запаса, а еще несколько лет назад был вполне перспективным молодым летчиком. Имя Германа Александрова гремело в дивизии, да и сам командующий не раз отмечал успехи офицера. И было за что. Гера, как называли его друзья еще со школы, чувствовал самолет так, как иной и свое тело не ощущает. Самую сложную фигуру высшего пилотажа выполнял запросто, не задумываясь. Будто бы с детства этим занимался. Имел все высшие формы допуска на полеты в условиях минимума летной погоды. Вот только летать в последние годы не давали – нехватка топлива, запчастей, денег! Да разве все причины перечислишь? А потом... Нет, что было потом, лучше не вспоминать. Да и что его вспоминать, вот оно, твое «потом», ставшее назойливым настоящим, похоже, что и будущим. Голодным и беспросветным.

Александров посмотрел на будку с ярко-красной лентой «Кока-кола» и тоскливо сглотнул. Какая там кока-кола, на хлеб денег найти бы. Но где их взять, эти чертовы деньги? Работы нет, занимать не у кого. Это тебе не прежние времена, когда можно было забежать к соседу и разжиться до полочки. Теперь такого нет. С этим рынком народ сильно изменился. Те, у кого есть средства, очень плохо понимают тех, кто их не имеет. Теперь и дружба-то от тех же финансов зависит. Богатые дружат с богатыми, неимущие – с голодными, бандиты с ментами.

Герман уже не раз подумывал о том, чтобы продать квартиру, оставшуюся ему от родителей, но вот куда потом податься? Где жить? Был, правда, вариант рвануть на Север или в Сибирь, купить недорогое жилье, но ведь и там нужна работа, а что он умеет? Кроме штурвала разве еще только баранку в руках держать обучен. Попробовал пристроиться в бригаду строителей, так характером не сошелся. Не умел глаза закрывать в нужный начальству момент. Заметил, что бригадир недоплачивает работягам, и врезал ему как следует. Ну и, как водится, оказался в дураках. Даже те, кого обманывали, его не поддержали. Нет, втихую, конечно, хвалили, руки жали, а вот выступить открыто, встать рядом духу не хватило. Та же история повторилась и в таксопарке, где отказался давать долю руководству. Результат – увольнение. И не просто вышибли, а еще и негласный волчий билет прилепили. Сбросили информацию коллегам, и все, с тех пор ни один хозяин автопарка с Александровым даже разговаривать не хочет. Это и понятно: кому нужны скандалисты-правдоискатели?

Нет, если быть до конца откровенным, нельзя сказать, что уж совсем не было выхода. Кое-какие серьезные предложения были. В милицию предлагали идти, и даже в пожарные. Первый вариант отклонил, потому что душа ну никак не принимала новые погоны, а вот форму пожарных примерил и носил целых четыре месяца. Но, так и не дождавшись зарплаты, ушел. Звали его в школу преподавать географию, так

ведь и там не платят. Да и вспыхнув Александров чересчур, трудно было надеяться, что выдержит и не отвесит подзатыльник какому-нибудь великовозрастному балбесу.

Герман с надеждой посмотрел на подъезжающий трамвай. Может, кто-то из знакомых покажется. Чем черт не шутит, вдруг что-то да вылезет, проснется Фортуна и бросит на забытого ею летчика свой ленивый взгляд. Ведь было ж так однажды, когда удалось подменить школьного товарища Витька Черкасова и заработать, помотавшись вместо него по районам. А тот, пока жена ждала его из командировки, со своей кралей в Лазоревское рванул, на море. И заплатил-то гроши, а все равно выручил. Вот так бы и сейчас! Должно же повезти, наконец. Да нет, обязательно повезет, Герман это прямо нутром чувствовал. Именно сегодня, именно сейчас, с этим трамваем...

Нет, видимо, предсказатель он тоже никудышный. Трамвай отошел, а знакомых что-то не появилось. Единственное, что увидел Александров, когда состав отъехал, был неведомо откуда взявшийся на противоположной стороне улицы внушительный темно-вишневый, с тонированными до непрозрачности стеклами, микроавтобус. Даже неискушенному наблюдателю было понятно – машина явно дорогая и мощная, скорее всего американского производства. «Додж», – решил про себя Герман и, хотя понимал, что уж здесь ему точно ничего не обломится, от окна не отошел.

Водительская дверца распахнулась, и из кабины выпрыг-

нул высокий худощавый парень. Тут же хлопнула вторая дверца, и с другой стороны микроавтобуса показалась загорелая крашенная блондинка. Длинные, ровно подстриженные волосы до лопаток были схвачены вверху узкой лентой. На вид девушке было лет двадцать пять. Короткий топик подчеркивал небольшую, явно не стесненную бюстгальтером грудь, а сквозь бежевые обтягивающие брючки просвечивала светлая микроскопическая полоска трусиков. Завершали образ этой явно не комплексующей бизнес-леди почти незаметные босоножки на высоком каблуке.

Приехавшие обменялись несколькими словами и быстро направились к углу здания, где, согласно вывеске, должен был находиться пункт обмена валюты. Дверь распахнулась, и незнакомцы вошли внутрь.

Александров, отметив по себя, что мужчина явно не страдает галантностью – войдя первым, он даже не подумал придержать дверь для дамы, – вздохнул и отвернулся. Что ему до чьих-то проблем с валютой и воспитанием, когда у самого в кармане ни копейки? Черт его знает, зачем ему все это – и образование, и воспитание, и порядочность, если в доме жрать нечего? И продать тоже. Мебель – старая, никому не нужная рухлядь, телевизор – ламповый мастодонт, который если кто и купит, так только разве что музей. Даже бутылок пустых нет. Те, что были, давно сдал, а до того, чтобы ходить по улицам и подбирать чужие, еще не докатился. Лучше уж и вовсе не жить...

Герман проводил взглядом пассажиров очередного трамвая. И здесь пролет. Ни одного знакомого. Безнадежный взгляд Александра обратился снова к обменнику. Парочка уже вышла, но, по-видимому, у них ничего не получилось. Вид у обоих был расстроенный, они старательно вертели головами, высматривая, нет ли поблизости еще одного места, где можно поменять деньги. Но пункта не оказалось, вместо этого к молодым людям подошел светловолосый мужчина с небольшой кожаной сумочкой-барсеткой в руках. Мужчина показал рукой на дверь и что-то спросил. Блондинка отрицательно мотнула головой и отвернулась. Ее взгляд скользнул по Герману, прошел мимо, но затем вдруг вновь вернулся назад. Летчику показалось, что незнакомка заинтересовалась им, но он тут же отогнал эту мысль: слишком уж непривлекательно он, должно быть, выглядит, чтобы им могло заинтересоваться такое удивительно эффектное создание.

Спутник девушки продолжал между тем разговаривать со светлоголовым. Слов Александру было не слышно, да он особо и не интересовался, в чем там дело, но ведь заняться все равно больше нечем, почему бы и не посмотреть. Приезжие о чем-то спорили. Худощавый пытался что-то доказать блондинке, но та стояла на своем. Наконец она не выдержала и, махнув рукой, заговорила со светловолосым. Тот утвердительно кивнул головой, полез в барсетку и, достав оттуда внушительную пачку денег, помахал ею перед собеседниками. Худощавый удовлетворенно кивнул и вытащил из кар-

мана серо-черные купюры.

Так, все ясно. Старый фокус! В обменнике приедем отказали, и теперь пенки с операции снимет соучастник нечестного кассира. Тем более что, судя по объему продемонстрированной пачки, сумма сделки немалая. Здорово пристроились господа! Если речь идет о небольших деньгах, то будьте любезны в кассу, а если о больших...

А это еще что?

Краем глаза Александров заметил, что к уличным менялам скорым шагом приближается высокий плотный парень. Одновременно с другой стороны появился еще один участник стремительно разворачивающихся событий – черноволосый, среднего роста, идет легко, словно скользит. Действие развивалось так быстро, что наблюдавший за всем этим Герман не сразу сообразил, что происходит. Что уж было говорить о приезжих?! Те и удивиться не успели, как из-за спины худощавого высунулась длинная рука высокого и молниеносно выхватила у него грины. Но и того реакция не подвела. Он успел выбросить свою руку назад и, поймав наглеца за рубашку, дернул его к себе.

Налетчик, не ожидавший такой прыти, сел на пятую точку, но в этот момент его напарник нанес худощавому короткий удар в лицо. Тот покачнулся, но на ногах устоял и даже сумел развернуться лицом к новому противнику. Воспользовавшийся этим первый налетчик поднялся на ноги, подскочил к непокорной жертве и нанес короткий быстрый удар

в незащищенную спину.

У стоявшей в оцепенении девушки наконец прорезался голос, и она завизжала так пронзительно, что налетчики не выдержали и кинулись в разные стороны. Высокий рванул прямо в сторону «доджа», а его товарищ, наоборот, подальше от него.

Женский визг словно разбудил Александрова, он выпрыгнул из окна и помчался к «доджу». Бандита он догнал в тот момент, когда тот выскакивал из-за микроавтобуса, и, молниеносно отметив про себя, что вес его тела опирается на дальнюю, левую ногу, подсек правую. Ноги налетчика заплелись одна за другую, и он полетел на асфальт. Пытаясь уберечь лицо, длинный инстинктивно выставил руки перед собой. От удара деньги выпали и рассыпались веером. Но Герман если и взглянул на них с сожалением, то лишь мельком. Он понимал, что драка еще не закончена.

Не давая упавшему подняться, он ударил его ногой в незащищенный бок. Противник захрипел от боли, и Александров, уже занесший было ногу для повторного удара, помедлил. И напрасно. Напарник бандита, которого, как надеялся Александров, преследует худощавый, был тут как тут. Увидев, что товарищ в беде, он прибежал на выручку. Удар пришелся в затылок бывшего летчика. Из глаз Германа посыпались искры, он на мгновение потерял сознание. И этого бандитам хватило, чтобы скрыться. Очнувшись, Герман сделал несколько шагов вдогонку, но почувствовал, что дальше не

то что бежать, даже идти не может. Вынужденный длительный пост не прошел даром – в глазах плыли круги, сильно подташнивало.

Злой на себя и на того гада, что дал ему по затылку, Герман повернул назад. Его так и подмывало высказать этому безмозглому ослу все, что он думает о нем! И его дурацком поведении, из-за которого заварилась вся эта каша. Мало того что вздумал посреди улицы деньги светить, так еще и в драке сплоховал, упустил мелкого. Вот тот молодец! Мелкий не мелкий, а товарища в драке не бросил. Правда, и сам Александров тоже дал промашку – нечего было гусарить и противника жалеть. Тогда и удар не пропустил бы. А если б даже и пропустил, то не так обидно было бы, счет бы все равно остался в его пользу.

Продолжая ругаться про себя, Гера наткнулся взглядом на разбросанные по асфальту деньги. «Тысячи две, не меньше!» – пронеслось у него в голове. Он присел на корточки – наклониться не мог, боялся, что закружится голова и упадет, – и стал собирать купюры. Хорошо еще ветра нет, а то гоняйся тут за каждой бумажкой. Чужой к тому же.

Раздражение нарастало. Мало того что, несмотря на слабость, от которой в голове звон стоит, приходится собирать портреты президента, чья страна еще недавно считалась самым вероятным противником, так еще эта дура орет как оглашенная. И чего орет, ведь все уже кончилось? Нет чтобы помочь.

С трудом переводя дыхание, Герман сгреб доллары в кулак и, прижимаясь спиной к стене, поднялся. И тут увидел лежащего ничком худощавого... Так вот почему он остался без поддержки! На спине лежащего расплывалось кровавое пятно. Клетчатая рубашка побурела от крови, на асфальте образовалась небольшая лужица...

– Да что ты вопишь... дура безмозглая?! – взорвался Герман. – Ему же помощь нужна! На, держи!

Он протянул женщине деньги и нащупал пульс раненого. Пульс был слабым и неровным.

– Его нужно срочно в больницу! – Было понятно, что необходимо спешить, «скорая» может и не успеть. – Ваш автобус! Мы им можем воспользоваться?

– Да... но Роберт... он наш водитель. – Блондинка дернула подбородком, указывая на худощавого. – Я не умею. Я...

– Послушайте, да возьмите вы себя в руки! – Герман чувствовал, что его пошатывает. – Вас как зовут?

– Лера... Валерия Попова – представилась женщина.

– Отлично, меня Герман. Валерия, я прошу вас, давайте не будем терять времени. Откройте дверь в салон, я попробую втащить его туда.

– Да-да, вы правы! – Лера бросилась к машине, а Герман попытался поднять раненого.

Он просунул руки под мышки Роберта и оторвал верхнюю часть тела от земли. Тащить раненого было тяжело, тем более что никто из прохожих не спешил на помощь. Интерес-

но, как же он затащит его в автобус? По земле волочить тяжелое тело он еще более или менее в состоянии, но поднять? Нет, на это у него сил не хватит.

– Давайте я вам помогу, – услышал он голос Леры. Господи, неужто кроме нее на улице никого нет?

– Приподнимите его, – сказала женщина.

Александров, не понимая, чего она хочет, приподнял плечи Роберта повыше.

Блондинка тут же просунула голову под руку раненого и с трудом распрямилась. Герман, сообразив, что его помощница действует правильно, сделал то же самое со своей стороны.

Вопрос о том, как уложить раненого в салон, решил сам собой. Они положили его на живот в длинном проходе пассажирского отсека. Впрочем, пассажирским, как мельком отметил про себя Герман, его можно было назвать весьма условно, поскольку он был наполовину заполнен какой-то аппаратурой, но сейчас это не имело никакого значения, главным было спасти человека.

– Ключи! – спохватился Герман. – Где ключи от машины?

– Не знаю... наверное, у Роберта, – ответила Лера, садясь на пассажирское место рядом с водителем. – Он всегда кладет их в карман. Не могли бы вы...

– Да, конечно. – Александров бросился в салон.

Ключи нашлись в правом кармане брюк. Еще несколько мгновений ушло на то, чтобы освоиться с незнакомой ма-

шиной, а затем началась сумасшедшая езда наперегонки со временем. Не будь за спиной раненого, Герман получил бы удовольствие от этой гонки, да еще какое! Уже давно не доводилось ему чувствовать в своей власти такую мощь, и он дал выход своей застарелой тоске по скорости.

«Додж» словно превратился в сухопутную торпеду. Он несся по улицам Краснодара, невзирая на состояние «убитых» мостовых, не останавливаясь перед светофорами. Его клаксон гудел не умолкая – то ли благодарил тех, кто уступал ему дорогу, то ли просил других, тех, кто еще этого не сделал, посторониться и пропустить его вперед. Его не останавливали даже пробки, с ними Герман справлялся так же лихо, как и с другими проблемами. Пользуясь высокой проходимостью мощной машины, он заруливал на тротуар и, распугивая прохожих, летел вдоль забитой машинами дороги. Достигнув перекрестка, Герман не менял направления и, лишь съехав на мостовую, разворачивался. Заезжая на перекресток совсем с другой стороны, он, естественно, попадал под зеленый свет, что давало возможность вновь повернуть и продолжить движение в нужном направлении. И что было самым интересным, так это поведение гаишников. Ни один из них даже не попытался остановить нарушителя. Может, сыграло свою роль то, что они видели – машина очень дорогая, явно не один десяток тысяч долларов стоит, а может, дорожная братия решила, что так могут ездить только крутые, а с ними ссориться не хотелось, вот они и отворачивались.

И только визг испуганной Леры да еще ее охи и ахи служили достойной оценкой мастерства бывшего летуна.

Подлетев к зданию больницы, Александров остановился прямо напротив дверей. С воплем: «У меня тяжелораненый!» – он вбежал внутрь и потребовал немедленной помощи. Заразив всех вокруг тревогой за судьбу незнакомого ему Роберта, Герман вызвал такую суету, какая редко бывает даже при появлении высокого начальства.

– Хотел бы я иметь такого друга, – заметил один из санитаров после того, как помог уложить раненого на операционный стол. – Такой точно не даст умереть.

– Да, это уж точно, – заметил другой. – Подожди... да это же Гера!

Санитар, невысокий крепыш, словно не веря своим глазам, уставился на того, кто устроил такой переполох. Ну точно! Александров Герман, собственной персоной! А говорили, что он где-то на Севере.

– Не узнаешь? – Санитар, заметив, что одноклассник устало прислонился к стене, с улыбкой подошел к нему. – Ну так как, Гера, не вспомнил?

Герман вздрогнул, так его все звали в школе. Тогда получается это... Песков? Павел Песков?

– Пашка, ты?!

– Я! Собственной персоной! – засмеялся Песков.

– Вот здорово! – заулыбался Александров. – Вот уж кого не ожидал увидеть, так это тебя. Как ты здесь оказался? Ты

же нашим чемпионом был!

– Да кому сейчас борьба нужна, – поморщился Павел. – На тренерской работе много не заработаешь. Это же не теннис. Там почасовая оплата, а у нас... Остается только зубы на полку класть. Образования нет, сам помнишь, я все на сборах да на соревнованиях пропадал. А теперь без диплома никуда не берут. Вот и пришлось сюда устраиваться. Слушай, а может, возьмешь к себе? Ты же знаешь, я не подведу.

– Куда к себе? – с недоумением спросил Герман. – В каком смысле?

– Ну, к себе на работу. Ты же при делах, вон на какой тележке едешь. Да и мартышка при тебе качественная... я же понимаю. – Песков кивнул на окно.

Герман машинально повернулся. Он увидел «додж», а рядом с ним Леру. Она прохаживалась вдоль темного кузова и говорила с кем-то по сотовому. По ее жестике было заметно, что Валерия нервничает. Она размахивала свободной рукой и нервно отбрасывала волосы, задуваемые ветром ей в лицо.

Только теперь майор понял, о чем подумал одноклассник. Иномарка, блондинка с загорелой кожей и фигуркой богини – чем не кусочек жизни из фильма о буржуях?

– Да, вкус у тебя что надо, – с завистью произнес Павел.

– Пашка, ты все неправильно понял! – Александров прижал руку к груди. – Все совсем не так. Я сам безработный. Как уволился из армии...

– И машина не твоя?

– Нет, конечно!

– И эта телка?

– Паша, ну я же говорю!

– Все понятно! – Песков с кривой усмешкой повернулся и зашагал прочь.

– Пашка, стой! Ты куда! Ты что, не веришь? – закричал ему вслед Герман. – Это действительно не моя машина! Да подожди ты!

Но Песков, ни разу не обернувшись, скрылся за стеклянной дверью с надписью «Посторонним вход воспрещен».

Герман скрипнул зубами от злости. Вот придурок горячий. Ну и пусть уходит. Мальчишество какое-то! Уж в тридцать-то лет можно было и ума набраться. Решил, что Герман ему врет. Да к черту эту машину! Да и Леру эту тоже! Хотя нет, Лера как раз очень даже ничего. В другое время не преминул бы познакомиться поближе. В другое, в лейтенантское, когда деньги еще были деньгами и платили их исправно. А сейчас, когда ни в ресторан пригласить, ни цветы подарить, какое может быть знакомство? Даже чашку кофе и то не предложишь!

Герман огорченно вздохнул и вновь посмотрел в окно. Валерия была уже не одна. Из остановившегося неподалеку такси вышел крупный светловолосый мужчина и торопливо подошел к ней. Лера стала ему что-то рассказывать, показывая рукой на больницу, и Герман понял, что речь идет о

происшествии. Скорее всего, этот здоровяк, на целую голову возвышавшийся над своей далеко не мелкой собеседницей, спрашивал, что случилось с Робертом. Он периодически вскидывал лицо и посматривал в сторону окон. Иногда Герману казалось, что светловолосый смотрит ему прямо в глаза.

Догадка Германа подтвердилась. Блондинка и здоровяк закончили разговор и быстрым шагом направились к больнице. Войдя, они остановились, и Лера принялась оглядываться по сторонам. Увидев Германа, она обрадовано улыбнулась и, взяв светловолосого под руку, подвела к нему.

– Простите, что оставила вас одного, – виновато произнесла блондинка, – но я видела, как отлично вы справляетесь... да и шефа нужно было поставить в известность. Знакомьтесь, пожалуйста, это Мартин Свенсон, ученый из Швеции. Приехал к нам снимать фильм, а тут такая неприятность случилась.

Лера повернула голову к шведу и заговорила на незнакомом Герману языке. Мартин кивнул и, тепло улыбнувшись, протянул руку. Герман ответил рукопожатием и улыбнулся в ответ. Свенсон произнес несколько слов и, судя по интонациям и по тому, как он прижал левую руку к сердцу, было ясно без перевода, что он благодарит Германа.

– Мартин благодарит вас, – подтвердила догадку Валерия. – Он просто поражен проявленным вами благородством и счастлив констатировать, что встретил мужественного и

порядочного человека. И еще, он просит принять от него вознаграждение...

Свенсон сунул руку в карман, вытащил несколько купюр и протянул их Герману. У того перехватило дыхание. Деньги? За что? За то, что помог человеку? За то, что не дал умереть раненому? Да как бы ни нужны они были ему именно сейчас, за такое майор Александров брать денег точно не станет.

Герман хотел было высказать этому верзиле все, что он думает по этому поводу, но, видимо, Лера успела прочитать это в его потемневших глазах. Она быстро выхватила деньги из пальцев Мартина и молниеносно вложила их во внешний карман застиранной рубахи Александра.

– Герман, я вас очень прошу, возьмите эти деньги, – просительным тоном сказала она, не отнимая маленькой ладошки от его груди. – Для Свенсона это ерунда, а вам они наверняка пригодятся.

Произнеся эту фразу, девушка руки не отняла и продолжала стоять все так же, умоляюще заглядывая в глаза Германа. Тот растерялся, не зная, что ему делать. Брать деньги не хотелось, но ведь не станешь же бороться с женщиной, чтобы извлечь их из собственного кармана. Он сделал еще одну слабую попытку отказаться, отрицательно мотнув головой, но Валерия явно не собиралась уступать.

– Тем более вспомните, вы же помогли нам вернуть гораздо большую сумму, чем получили, – добавила она. – Так что по праву можете считать, что заработали их.

Да, пожалуй, в чем-то она права. Но Господи, как же не хочется брать деньги у тех, кто и так уже пострадал!

– Вам они сейчас нужнее, – сказал он Лере. – Роберту на лечение...

– Господи, да кто вам сказал, что Роберт нуждается в этих деньгах? – Девушка вздохнула. – Да американцы, прежде чем из дому выйдут, десять раз застрахуются! Он сейчас дома такие средства получит, что вам и не снилось!

– Так... Роберт американец? – удивился Герман. – Вот так дела! Я и не знал!

– Американец, американец, – заверила Валерия. – Притом бывший спецназовец. Он оператором по совместительству работал. А на самом деле больше телохранителем считался.

– Спецназовец?! – опешил Герман. – И дал себя так поглупому... свалить? Чудеса... я их раньше только в прицеле видел.

– Что, тоже в спецназе? – спросила Лера. Она только теперь отняла ладонь от груди Германа, чем весьма его огорчила.

– Да нет, я летчик, – пояснил Герман. – Майор запаса.

– Ну и дела?! – удивилась Валерия.

Она повернулась к Свенсону и стала быстро-быстро переводить ему содержание разговора. Тот жестом остановил ее и произнес несколько фраз. Но и ему договорить не удалось. Из-за двери, за которой скрылся Песков, вышел хирург, который оперировал Роберта. Александров, сказав новым зна-

комым, кто это, поспешил ему навстречу:

– Доктор, ну как там?

– Пусть благодарит вас за скорую доставку, – ответил хирург. – Крови много потерял, а так все в порядке. Нож прошел удивительно удачно. Если, конечно, это слово применительно к такому... случаю. Но ни один орган не задет. Разве что небольшой надрез на почке, но он такой маленький, что решили не трогать. Думаю, если не возникнет осложнений, недельки через три можно будет забирать его отсюда.

Валерия стала торопливо переводить слова врача. Мартин кивнул головой, потом что-то спросил у переводчицы. Та тоже кивнула головой. Свенсон полез в карман и уже знакомым Александрову движением вытащил несколько купюр. Но, в отличие от Германа, хирург взял деньги и преспокойно положил их в карман.

– Благодарю вас! Надеюсь, я ответил на все ваши вопросы? Если что, я всегда к вашим услугам. А сейчас, простите, спешу!

Врач исчез так же быстро, как и появился.

– Ну, и мне пора! – Герман, вздохнув, протянул руку для прощального рукопожатия.

Швед пожал его руку, но не отпустил, а зажал в своей огромной лапе. Продолжая удерживать ладонь Германа, он повернул голову к Лере и что-то быстро сказал. Та ответила так же быстро. Затем последовал обмен еще несколькими фразами.

– Герман, – наконец перевела блондинка, – Мартин еще раз благодарит вас и просит принять его предложение отметить знакомство и счастливый исход сегодняшних событий в ресторане.

Александров растерялся. Он так давно не был в ресторане, да и одет совсем неподходяще. Правда, теперь у него в кармане есть деньги, а значит, он может сам за себя заплатить. А ведь так хочется вновь почувствовать себя человеком! Вновь иметь возможность пригласить понравившуюся ему женщину в ресторан. Пусть даже и без надежды на продолжение, пусть даже и с ее шефом или мужем, или еще кем он там ей приходится?

– Соглашайтесь, Герман, я вас тоже очень прошу! – Лера истолковала колебания Александрова по-своему. – Я обещаю, вы не пожалеете. У Мартина есть для вас очень интересное предложение.

Глава 2

Похмельное пробуждение, которое в народе называют «утро стрелецкой казни», началось удивительно похоже на любой другой подобный случай. Сколько раз Герман зарекался напиваться до чертиков, и все-таки нет-нет, да случается. И знал же, что водка на пустой желудок опасна, сам об этом сколько раз полковую молодежь предупреждал. Так нет же, не хотел показать, что голоден. Дур-рак! Перед кем понты колотил? Что этому шведу с того, голодный ты или нет? Закусь на столе, а дальше сам решай! А вот как выпить, так пожалуйста. И только потом, идиот, закусывать стал. Да и то слегка. Сдерживался, пока мог. Вот теперь и пожинай плоды своей гордыни. Из-за нее уволился из ВВС, из-за нее голодный ходил, из-за нее теперь даже не помнит, что вчера было.

Герман осторожно открыл глаза. Он знал, что это нужно делать медленно. И вообще, сегодня, по крайней мере до обеда, только плавные, размеренные движения. Это тоже пришло с опытом, в день похмелья все резкие шевеления противопоказаны. Даже глазами. Все надо делать неспешно и чинно, тщательно прислушиваясь к своим ощущениям.

А вообще-то, судя по этим самым ощущениям, на этот раз не все так уж и плохо. То есть не так плохо, как могло быть. Наверное, опьянел быстро, вот и не успел выпить слишком много. Хорошо еще, если не натворил чего.

Александров настороженно поглядел в потолок.

Не натворил, говоришь? Тогда почему он не дома? И вообще, где он находится?

Сквозь несколько поредевший похмельный туман Герман с удивлением увидел, что обстановка ему совсем незнакома. Забыв об осторожности, он быстро сел... и обомлел. Рядом с ним на огромной кровати лежала Лера!

Блондинка спала, но резкое движение Александра ее разбудило и теперь девушка с усмешкой наблюдала за тем, как округляются его глаза.

– Ты? – Герман, не удержавшись, заглянул под простыню. Будь он трезв, может быть, такого прокола не допустил бы, но сейчас Герман был захвачен лишь одной мыслью: было что-то или не было?

– Да уж, любовничек, что и говорить! – протянула Лера и, нисколько не стесняясь своей наготы, закинула руки за голову. – Значит, даже не помнишь, было что-нибудь или нет?

– Да нет, Лера, конечно помню! – возмутился Герман. – Слушай, а мы на ты? Или уже на вы?

– Пока еще на ты! – Валерия саркастически усмехнулась. – Но еще одна такая пьянка – и можно переходить на вы!

– Переходить на вы? – На лице Германа нарисовалось недоумение. – А зачем? Если мы уже на ты? Обычно все на вы, потом на ты, а ты хочешь начать с ты, а закончить...

Чем собирался закончить Герман, так и осталось неиз-

вестным. Зазвонил телефон. Валерия вскочила и, демонстрируя идеальную фигуру, подошла к телефону. Что дало возможность убедиться, что Лера вовсе не крашенная блондинка, а натуральная. Или крашенная, но везде.

– Мартин? – спросила она. Далее пошел разговор на шведском, из которого Герман не понял ни единого слова. Кроме последнего.

– О'кей! – бросила девушка и положила трубку. – Вставай, летчик! Босс ждет нас к себе. Совещаться будем.

– Подожди, подожди, какое совещание? – растерялся Герман. – Какой босс?

– Ты что, совсем ничего не помнишь? – удивилась на сей раз Лера. – Ты же вчера согласился работать на Свенсона!

– На Свенсона? – У Германа вытянулось лицо. – Я?! Я что, шпионом стал?

– Шпион?! Ну ты, майор, даешь! – засмеялась Валерия. – Какой шпион, да Мартин наверняка знает секретов побольше твоего! Уж если бы он решил в разведку податься, так покупал бы действующих офицеров. И более осведомленных... Прости, может, это бьет по твоему самолюбию, но даже по глубокой пьянке ты не способен выболтать что-то ценное. А работать ты согласился в нашей съемочной группе. Будем природу снимать. Все, я в душ!

Как только Лера удалилась, Александров вскочил и заметался в поисках своей одежды. Судя по тому, как она была разбросана, это он сделал вчера сам. Интересно, а как он

справился с остальным? Ведь по пьянке можно такое начудить, что жить не захочется! А, да ладно, она вроде не дуется, значит, все было более-менее нормально.

Мартин встретил Германа понимающей улыбкой. Показал пальцем на бар-холодильник, но Александров с брезгливой гримасой отказался. Похмеляться он не умел и после таких вот отравлений недели две к спиртному вообще не прикасался.

Лера же быстро смешала себе порцию джина с тоником и, бросив в стакан кубик льда, села в глубокое кресло. Сегодня на ней были легкомысленные шортики, открывавшие хорошо тренированные ноги, и такой же, как вчера, топ, только теперь другого цвета. Глядя на ее позу, Герман вновь озадачился вопросом своего ночного приключения. А еще его сильно удивила реакция Свенсона. Вполне можно было предполагать, что Лера кроме обязанностей переводчицы выполняет и кое-какие прихоти босса. А потому можно было ожидать если не приступа ревности, то хотя бы какого-нибудь проявления недовольства со стороны шведа. Однако если тот и испытывал что-то подобное, то ничем этого не выказал. Наоборот, он шутил и всем своим видом показывал, что рад пополнению коллектива новым членом. Еще бы понять, в самом деле, он рад или это только вежливость.

– Скажите, Мартин, – начал Гера и не договорил.

– Ну вот, опять! – со смехом прервала его Валерия. – Ты вчера трижды предлагал всем перейти на неформальное об-

щение! Дважды пил на брудершафт! Чуть ли не с каждым посетителем ресторана готов был брататься, а сегодня снова переходишь на вы? Нет уж, дружок, давай будем постоянны! А если серьезно, Свенсон классный шеф и совсем не любит почтительности. Ты сам в этом убедишься.

– Лера, подожди! – Герман умоляюще всплеснул руками. – Ты хотя бы объясни, чем вы занимаетесь и на кой черт я вам нужен! Я же, кроме штурвала, в руках ничего другого и держать не умею! Ну, еще вилку, так это...

– Про то, что ты умеешь или не умеешь держать в руках, мы еще вчера наслушались, – остановила его Валерия. – А как ты водишь машину, я сама видела. Рассказала Мартину, ему понравилось. Что мы остались без водителя, это ты и без меня знаешь. Роберт встанет нескоро, да и вообще, после того, что с ним приключилось, он наверняка в Штаты уедет. Так что Свенсон рассудил правильно: нам нужна замена. Ты вчера признался, что давно уже без работы и дома тебя ничто не держит. Мы тоже все свои дела тут закончили, так что можем выезжать... как только ты будешь готов.

– Выезжать? – растерянно переспросил Герман. – Куда? Когда... ах да, это ты сказала. А на сколько, можно узнать?

На самом деле Германа не слишком-то и волновало, куда они поедут и как долго продлится путешествие. Здесь его никто не ждет, беспокоиться не о ком. Другое дело, сколько ему заплатят, этот вопрос так и вертелся на языке, но Герман никак не решался его задать.

– Поедем мы в Дагестан, – сообщила Лера. – Будем снимать фильм о республике и о местах, которые могут заинтересовать туристические агентства мира.

В последнее время капиталисты весьма интересуются этим регионом. Благодаря войне в Чечне обыватели узнали, что на свете еще остались горы, где экстремалы не успели пока побывать. А этот народ, знаешь ли, готов платить хорошие деньги за организацию тура и съемки того, как они будут беситься. И еще охотники. Те тоже не скупят, лишь бы подстрелить зверя, которого не смогли добыть другие члены их клубов. Турагентства готовы инвестировать в поездку Мартина большие деньги. Вот Свенсон и решил убить двух зайцев – провести исследование на деньги инвесторов и привлечь в регион хоть какие-то средства.

– Так вы хотите ехать в Махачкалу? Да вы с ума сошли! – Недоумению Александра не было границ. – Там же война идет!

– Как говорит Мартин, война идет в Чечне. Да и там она давно закончилась. – На лице блондинки не дрогнул ни один мускул. – У тебя устаревшая информация.

– Ну и ну! – Герман дернул головой. – Лихие вы ребята! Ехать на Северный Кавказ сейчас? И не боитесь? Да Свенсона там в первый же день похитят! Или тебя.

Валерия перевела вопрос. Мартин, выслушав ее, улыбнулся и что-то быстро сказал в ответ. Потом поднял руку, останавливая перевод, и добавил еще несколько слов.

– Шеф считает, что ты живешь в мире навязанных тебе иллюзий, – проговорила Лера, когда шеф замолчал. – Да, несколько лет назад действительно существовала такая угроза. Но сейчас там уже навели порядок, и бизнес на похищении людей прекратил свое существование. Кроме того, нынешний мэр города – человек весьма передовых взглядов и пользуется большим авторитетом. Он лично гарантировал Свенсону безопасность. Как его собственную, так и всех его товарищей. Мартин верит ему и отправляется в Махачкалу без всяких опасений.

– А как же ты? – не сдавался Герман. – Паранджу купила?

– Вот это и меня смущает, – с усмешкой сказала Валерия. – Но, судя по тому, что узнал Свенсон, женщины там никогда в парандже не ходили. Даже до революции. Хотя, откровенно говоря, верится в это с трудом. Признаюсь, меня немного все это пугает но, как говорится, волков бояться, девушкой останешься. На всякий случай прихвачу одежду своей бабули, приоденусь немного скромнее, авось и проскочим. А заодно и ты меня не будешь раздевать глазами.

– Я лучше руками, – попробовал пошутить Герман, но нарвался на жесткий взгляд.

– Забудь об этом, – резко посерьезнела Лера. – Здесь мы веселились, там будет работа. А значит, баловство побоку.

– Не понял.

– А тут и понимать нечего! – Лера бросила быстрый взгляд на Мартина, но тот был увлечен картой Дагестана и в их сто-

рону не смотрел. – Герман, я тебя очень прошу, не заставляй меня жалеть о вчерашнем. Как мужчину прошу.

– Хорошо, а как вы собираетесь снимать ваш фильм? – Протрезвев окончательно, Александров предпочел не обострять разговор и перевел его на другое. – Ну не сам же Свенсон будет с камерой бегать?

– Нет, конечно! – Валерия обрадовалась, что ее правильно поняли, и с ходу подхватила подачу. – Хотя Мартин может и сам поработать, такое уже случалось, так что опыт у него есть. Но на сей раз оператором у нас будет Генка Панама. Слышал о таком? Нет? Ну, еще услышишь. Мастер, какого поискать. Он сейчас в Москве, получает технику, точнее, получил. И наверняка уже выехал в Махачкалу. Вот почему и мы не должны терять времени. Конечно, запас у нас есть, но все равно медлить не стоит.

– Ладно, я готов. Нет, подожди! Мне нужно заехать... переодеться. – На самом деле Герману, чтобы переодеться, нужно было сначала заехать в магазин и купить, во что переодеться. Но не сообщать же об этом во всеуслышание!

Лера перевела его слова Свенсону. Швед кивнул головой и, посмотрев на часы, спросил, сколько времени потребуется Александрову. Валерия перевела.

– Два часа! – выпалил майор запаса. – И...

Он замолчал.

– Герман, говори, не тяни время, – поторопила его Лера. – Машина нужна?

– Да! А как ты догадалась?

– Господи, Герман, да у тебя все на лице написано! – зашмеялась Лера. – Мартин не против. Он уже раньше это сказал. Я же говорю, начальник у нас класс. Так что давай езжай, времени в обрез!

* * *

Махачкала встретила Александрова и его пассажиров той же жарой, от которой изнывал Краснодар. За небольшим исключением – к жаре прибавился еще и иссушающий ветер. Стоило только Герману выйти из «доджа», как он сразу же понял, что поступил несколько опрометчиво. Раскаленный вихрь тут же швырнул пригоршню песка и пыли ему в глаза, а пока он, вытирая слезы кулаками, виртуозно высказывал свое мнение по поводу этого безобразия, на зубах закрипело, во рту стало сухо и горько. После чего майор поспешил спрятаться в кабину, где и оценил всю прелесть кондиционера. Нет уж! Пусть Мартин сам ищет своего оператора!

Но, к счастью, искать Панаму не пришлось. Геннадий нашелся сам. Он залез в салон и тепло поздоровался со всеми. Майор ожидал увидеть стандартно увешанного аппаратурой очкарика, а вместо этого перед ним был крепкий широкоплечий мужчина. На вид ему было столько же, сколько и Герману, лет тридцать, максимум – тридцать два. И рост был примерно тот же, где-то около метра восьмидесяти. Но на этом подобие кончалось, дальше шли одни различия. Герман был черноволос, бледнолиц и зеленоглаз. Панама же имел

ярко-рыжие волосы, пятидневную щетину на щеках и множество конопушек. Посреди красного лица с небесно-голубыми глазами торчал хрящеватый нос. Майор являлся обладателем спортивной, но совсем не тяжеловесной фигуры, оператор же, несмотря на рост, казался кряжистым.

– Знакомьтесь, ребята, – сказала Лера. – Нам теперь вместе работать.

– Александров Герман Вячеславович, – четко представился майор.

– Пономарев Геннадий Станиславович, – так же по-военному доложил оператор. Его хитрые глазки с прищуром смотрели на Геру. – В среде специалистов известен как Панама.

– Судя по выправке, военный? – полуутвердительно спросил Герман.

– Капитан противовоздушной обороны, – с улыбкой подтвердил Панама. – Да вот не нужен стал, пришлось переквалифицироваться. Впрочем, я не жалею.

– Ну а я жалею, да выбора все равно нет, – криво усмехнулся Герман. – Майор ВВС. Был. А теперь запасной майор.

– Да ну? – удивился Геннадий. – Летчик? Или из obsługi?

– Летчик-истребитель. Но начинал на штурмовиках.

– А на вертолете можешь?

– Нет! Только Су-24 и Су-27. Хотя, если переучиться, то вполне. А что, есть надобность?

– Да бог его знает! – Рыжий пожал плечами. – Мартин –

парень с такими вывертами, что может и вертолет купить. Или эти, как их? Ну, маленькие...

– Авиетки? – подсказал Герман.

– Да нет, ну эти, Руст еще на них к нам прилетал! – Зенитчик никак не мог вспомнить тип самолета, навлекшего позор на весь его род войск.

– «Сесна», что ли? – догадался Герман. – Ее поднять в воздух? Да как рюмку выпить!

– Мальчики, я могу считать, что ваше знакомство состоялось и теперь вы готовы вспомнить о нас? – вмешалась в разговор двух офицеров Лера.

– Ой, извините, ребята! – спохватился Панама. – Не ожидал еще одного вояку неприкаянного встретить. Ну что ж, командуйте, куда теперь?

Валерия повернулась к молчаливому шведу и вступила с ним в диалог. После минутного уточнения деталей сообщила, что сейчас они все едут в гостиницу, затем Мартин должен созвониться с кем-то из руководства республики, а дальше видно будет.

Вопрос размещения волновал Германа больше всего. Он всю дорогу от Краснодара до Махачкалы пытался понять, что же у них такое было с Валерией, но так ничего и не понял. Что же это все-таки было? Прихоть красивой и свободной женщины? Возможно! Но тогда каковы ее отношения с остальными членами экспедиции? С тем же шведом? Или с Панамой... И как, в таком случае, ему самому держаться с

переводчицей? Также, как и она, – дружелюбно улыбаться и соблюдать дистанцию? А может, все же попробовать пойти на сближение? Что себя обманывать, Лера понравилась Герману. Понравилась сразу и безоговорочно. Еще там, возле обменного пункта. Но тогда майор не позволил себе даже мечтать о том, что сможет обнять это существо из другого мира. Уж слишком велика была дистанция! Ночь в номере блондинки все изменила. Теперь Герман искал ее глаза, прислушивался к ее словам, к интонации ее голоса и пытался уловить, прочитать намек на возможность продолжения отношений. Но тщетно. То ли присутствие шефа сковывало переводчицу, то ли действительно избалованная вниманием мужчин Валерия предпочитала не обременять себя лишними привязанностями и не подпускать коллег к своим прелестям.

Размещение в гостинице могло дать ответ на загадку поведения Леры. Могло, но не дало. Переводчица предпочла одноместный номер. Свенсон тоже, а обоим бывшим военным достался простой двухместный номер. Узнав это, Герман облегченно вздохнул. Бог с ней, с неизвестностью, ее и потерпеть можно. Зато сохранялась надежда на то, что начатое в Краснодаре можно будет продолжить в Махачкале.

– Нравится? – оторвал его от раздумий голос Геннадия.

Герман вздрогнул и повернулся к Панаме. Тот с восхищением смотрел вслед идущей к лестнице Валерии.

– Хороша, стерва, – пробормотал Геннадий.

– Почему стерва?

– Ага, значит, нравится, – сказал, улыбаясь, Геннадий. – Мне тоже, между прочим. А стерва, потому что не подпускает к себе никого.

Герман опешил. Как это никого? А он? У него тогда с Лерой что было?

– А Мартин? – спросил он, не утерпев. – Уж ему-то она не откажет, наверное?

– Да хрен его знает, откажет или нет! – Геннадий продолжал смотреть на лестницу. – Но, как мне кажется, дело в том, что швед ее об этом не просит! Вот и отказывать не приходится!

– Как это не просит? – удивился Герман. – Он что, вообще... или он из этих?

– Не знаю, что ты имеешь в виду под словом вообще, но, что не из 2этих», точно. – Панама повернулся к Александрову. – По крайней мере мальчики Свенсона тоже не интересуют. Не замечен, по крайней мере.

– А она? – выдавил из себя Герман и замер.

– Что она?

– Она замечена? В чем-нибудь.

– Да что я ей муж, что ли? – разозлился Геннадий. – Или слежу за ней? Ладно, чего стоять, пошли в номер, мне здесь нужно одному парню позвонить!

Парнем оказался товарищ одного московского знакомого Панама по имени Магомед. Как потом узнал Герман, Маго-

медов в Дагестане оказалось великое множество, но этот был к тому же и Магомедовичем. Это отчество невольно наводило на мысль, что и фамилия махачкалинца окажется соответствующей, но здесь Александра ждало разочарование, потому что вопреки его ожиданиям фамилию знакомый Панама носил другую – Абдурашидов. Но откликнулся и на прозвище Мамуч. Дагестанец был владельцем самого модного в городе магазина детских игрушек и с удовольствием откликнулся на звонок. А узнав, от кого приехали гости, заявил, что бросает все дела и едет прямо в гостиницу.

Не успел Геннадий передать Герману свой телефонный разговор, как в дверь постучали и в номер влетел тот, кого они ждали. На вид посетителю было около сорока лет, он был немного выше среднего роста, с заметными залысинами и длинным острым носом. Правда, Герман уже стал понимать, что на эту деталь в Дагестане лучше не обращать внимания – носы здесь можно было наблюдать любой формы и размеров.

– Меня зовут Магомед. Можно Мага, – представился вошедший. – Я правильно попал, это вы мне звонили?

Дагестанец говорил с акцентом, да еще так быстро, что больше приходилось полагаться на догадливость, чем на слух. И все же общий язык удалось найти на удивление скоро. Традиционно поинтересовавшись, как гости доехали и есть ли у них проблемы, Мага попутно выяснил, что сегодняшний день у них ничем не занят. Лучше бы Панама об этом не говорил!

Шум, который поднял Магомед, был сравним только с созданной им же суетой. Еще не совсем понимая, чего от них хотят, Панама и Герман незаметно оказались вовлечены в процесс беспорядочных сборов. Продолжая громко говорить одному только ему понятные слова, Мамуч увлек их за собой, и только в коридоре выяснилось, что они едут на пикник, который состоится на берегу моря.

– Мага, подожди! – взмолился Геннадий. – Мы здесь не одни! Нужно Мартина предупредить.

– Мартина? – удивился дагестанец. – А это что за гусь такой?

– Это не гусь, это наш шеф, – пояснил Александров. – Швед.

– Какой еще швед? – не понял Мамуч. – Хоккеист, что ли?

– Почему хоккеист? – теперь пришел черед удивляться Герману. – При чем здесь хоккей?

– Ну, там же шведы играли! – Мага даже растерялся от такой непонятливости гостей. – А чего он не едет?

– Куда не едет? – ошарашенно спросил Геннадий. – Кто не едет?

– Этот ваш, – Мамуч поводит руками, будто в них клюшка. – Ну хоккеист?

– Да не хоккеист он! – решил внести ясность Герман.

– Хоккеист! – вдруг поддержал нового знакомого Панама. – Свенсон действительно бывший хоккеист! Даже на чемпионате мира играл!

– О! – радостно воскликнул Мамуч. – Я же знаю, что говорю! Ты меня слушай! Ладно, давайте вашего Мартена и поехали!

– Мартина! – поправил Герман.

– Ну Мартина! – добродушно согласился Магомед. – Где он?

– У себя в номере. И давайте сделаем так. – Геннадий решил, что лучше вмешаться в процесс сборов. – Вы с Герой идите к машине, а я беру наших и спускаюсь.

Не дожидаясь ответа, оператор развернулся и пошел назад. Герман и Магомед вышли на улицу. И сразу же в лицо пахнуло жаром раскаленного асфальта. Прямо перед входом в гостиницу стоял темно-синий «Вольво 940».

– Вот видишь, и у нас есть свой швед, – пошутил Мамуч и открыл машину. – Садись, чего стоять!

– Жарко у вас, – посетовал Герман. Он подошел к «Вольво», но садиться не стал. – Печет как в Сахаре.

– Это что! – Мага улыбнулся. – Старые люди говорят, что раньше еще жарче было! Но мне кажется, они путают, такое пекло я за всю жизнь неприпомню.

– Глобальное потепление? – То ли спросил, то ли показал свою осведомленность Герман.

– А кто его знает?! – Мамуч пожал плечами. – А ваш хоккеист, он зачем приехал?

– Мартин? Фильм будет снимать. О Дагестане. – Герман усмехнулся. – Туристов хочет привлечь. Хотя я сомневаюсь,

что поможет. Пока идет война в Чечне, кто сюда поедет?

– Надоели они уже со своей войной! Власти эти безмозглые. – Магомед выругался. – Столько вреда людям от них!

Он оборвал себя на полуслове и выпучил глаза. Герман удивленно вскинул голову, и, посмотрев туда, куда был устремлен взгляд дагестанца, и сам потерял дар речи. Из дверей гостиницы вышла Валерия. Господи боже мой, ну говорил же ей, чтобы скромнее одевалась. И вот пожалуйста – все те же легкомысленные шорты размером меньше иных плавок и легкая, почти прозрачная кофточка – вот и весь наряд! Хорошо еще под кофточкой купальник, да что с того? Вот сумасшедшая! Нашла, где свою раскрепощенность продемонстрировать!

Следом за блондинкой в дверях появились Свенсон и Пономарев. Взяв Валерию под руку, оператор весело сбежал по гранитным ступеням и подвел ее к машине.

– Ну что, все поместимся или возьмем наш «додж»? – спросил он.

– Конечно поместимся! – Глаза Магомеда не отрывались от Леры. – Бросайте ваш караван-сарай здесь, нам он там не понадобится. А этот громила и есть ваш швед?

– Именно, – подтвердил Геннадий. – А Лера его переводчик...

– Ты знаешь шведский? – Мамуч повернулся к Герману. – А говорил, водитель!

– Не я переводчик, а Лера! Валерия! – Летчик кивком го-

ловы показал на блондинку. – А я Герман. Сокращенно – Гера. И всего-навсего водитель.

– Ничего не понял! Лера... Валера же мужское имя! – продолжал допытываться Магомед. – А Гера...

– Его зовут Герман! – вмешалась в разговор переводчица. И повторила по складам: – Гер-ман! А меня зовут Лера! И все! Без всяких Валер!

– А, понятно! – заулыбался Мага. – Ну что, поехали?

Промчавшись по проспекту Ленина, причем Мамуч показал, что он в лихачестве не уступает самому Герману, машина вылетела на широкую дорогу, ведущую на юг. Ехали они минут сорок, затем свернули к одному из домов отдыха, пустующих по причине отсутствия туристов, и подъехали почти к самому морю.

– Вот здесь мы и будем отдыхать, – сообщил Мага. – Располагайтесь, здесь вас никто не потревожит.

Сказав это, Мамуч мгновенно исчез. Никто даже заметить не успел, куда он делся, но, так как его машина оставалась на месте, решили все же послушать совета. Тем более что чудесный песчаный пляж, море и жара просто не оставляли другого выбора.

Дагестанец объявился минут через десять. Сгрузив охапку дров, он вытащил из багажника сумки с закуской и выпивкой и все это поставил на один из пустующих столиков. Махнул рукой гостям, прокричал что-то малопонятное и вновь исчез.

Панама и Герман переглянулись. Кажется, они уже начали понимать, что простым купанием им не отделаться.

– Интересно, у него есть чем поколоть дрова? – спросил Герман.

– Посмотрим! – Панама без всяких церемоний открыл багажник. – О, смотри, все есть!

Туристский топорик, конечно, не совсем то, что надо, но при необходимости и он сойдет. Герман принялся за дело.

– Помой овощи, – сказал он Геннадию, – и хлеб нарежь.

– Хлеб можно и руками поломать. – Мамуч вновь вынырнул как из-под земли. Теперь он притащил алюминиевую кастрюлю, полную уже нарезанной кубиками баранины. – Нанизывай на шампуры, а я сейчас!

На ходу закатывая штанины брюк – обувь он успел снять еще раньше, Мага понесся к берегу.

– Ураган! – пробормотал Панама, глядя вслед дагестанцу. – Что он еще затеял?

– А вон, видишь, рыбаки на катере? – Герман показал рукой в сторону моря. – Вот им он и кричит.

Гортанная перекличка длилась недолго. Вскоре деревянная байда, гордо именуемая катером, подплыла к берегу, и веселый рыбак, шутя и что-то громко говоря, выбросил на берег две большие свежевывловленные рыбины.

– Да это же осетры! – ахнул Геннадий и, бросив все, побежал к берегу. – Я же их только на столе видел!

Но Мамуч не стал его ждать, – схватив обоих красавцев

за жабры, реактивный дагестанец оттащил их в сторону и, положив на большой валун, стал быстро разделывать.

– Как, Панама, жарить шашлык? – спросил он.

– Я?! – удивился Геннадий. – Так быстро? Его же еще нанизать нужно!

– А-ай! – засмеялся дагестанец. Отложив в сторону отрезанную голову рыбы, он сделал круговой надрез в области хвоста и, резко встряхнув, выдернул из осетра «струну». – Пять минут, и шашлык из рыбы будем жарить! – пообещал Мага. – Спорим?

– Пять минут? – Геннадий посмотрел на кастрюлю с бараниной и нехотя взялся за связку шампуров. – Сомнительно!

– Панама, я бы на твоём месте не спорил, – поучительным тоном произнес Герман. – Проиграешь.

– Ну да! – возразил Панама. – Её ещё нужно разделать, потом на кубики разрезать, нанизать...

– Так ты споришь или только говоришь? – Мамуч положил бок рыбы, отделенный от костей, на стол и стал пластовать его на ленты.

Геннадий посмотрел на этот стахановский труд, лицо его приняло сосредоточенно-отвлеченное выражение.

– Что, запасной капитан, примолк? – спросил его Гера. – То чирикал, чирикал, а теперь что?

– Ты за собой смотри, – пробурчал Панама. – Как дрова, наколол?

– Да уже угли дожигаю, – похвастался Герман, показывая

на мангал. – Я же не языком работал!

– Ой, мальчики, такая водичка, с ума сойти! – Валерия, вся мокрая и свежая, подбежала к столу и схватила кусок огурца. – Я даже не знала... Ой, рыбка какая! Вы когда ее купить успели? Я же видела, мы не заезжали никуда!

– Сами наловили!

Мамуч бросил быстрый взгляд на полуобнаженную переводчицу и тут же отвел глаза. Герман возблагодарил бога, что купальник она надела довольно-таки скромный.

– На, попробуй! – Мага двумя пальцами, так, чтобы не испачкать рыбьей кровью, поставил на стол пакет с персиками. – Наши, местные!

Пикник затянулся до глубоких сумерек. Собирались уже почти на ощупь, хорошо еще остатки пиршества было кому оставить. Мамуч все сложил в посуду, взятую у сторожей, и вернул приветливым людям со словами благодарности за приют. Те тоже были рады, вспоминали, как здорово было, когда в Дагестан приезжало много гостей, привлеченных недорогим отдыхом у моря. Одним словом, до войны все было хорошо... И вообще без нее лучше, да вот Боря и Паша этого понять не захотели.

При отъезде произошел небольшой инцидент. В тот момент, когда машина стала трогаться и еще не успела набрать скорость, откуда ни возьмись вылетела свора собак и с лаем погналась за машиной. Никто и глазом не успел моргнуть, как Мамуч вдруг выхватил помповик без приклада и, в одно

мгновение перезарядив его, выстрелил прямо себе под колеса. Еще одно мгновение – и помповик уже лежал между передними сиденьями, руки Маги вернулись на руль, а онемевшие пассажиры с тревогой вглядывались в темноту. К их радости, собаки, поотстав на значительное расстояние, хотя вновь возобновили лай, но бежать за машиной больше не решились.

– Ты что, зайками нас решил сделать? – спросил Панама, немного придя в себя.

– А что, испугались? – засмеялся Мамуч. – Да не бойся, я же в песок стрелял!

– Да на кой черт ты вообще это делал?! – рассердился Герман. – Здесь же женщина, напугать мог!

– Понимаешь, в Коране написано, что собака животное нечистое! – важным тоном сообщил Мага. – Если она коснется твоей одежды, тебе все молитвы не засчитываются. Ее нужно сорок раз постирать, чтобы потом опять надеть можно было.

– Проще выбросить, – пробурчал Геннадий. – На хрен она после сорока стирок нужна будет. А машина как? Ее сколько раз стирать придется? Если ее собака об... обнюхает?

– Ха, машина! Кто же ее стирать будет? – опять засмеялся Мамуч. Ну и глупый же этот рыжий! – Я же в машине не молюсь, ее чем собака запачкать может?

Глава 3

Отдаленное селение, куда так стремился попасть Свенсон, оказалось таким же, как и все предыдущие, попадавшиеся им по дороге, но только меньше. Тридцать – тридцать пять домов, не больше. Герман уже привык, что горные жилища строятся на отвесных скалах, а потому не удивлялся террасной архитектуре поселка. Если говорить откровенно, то ему даже чем-то нравилась эта природная многоэтажность. Получался некий импровизированный небоскреб. Дом над домом, этаж над этажом. Да еще с площадкой для прогулок в виде плоской крыши соседа. Село становилось по-городскому компактным, и в то же время все дворы имели свое хозяйство, свой огородик и жилье для скотины...

Александров, уже усвоив, как нужно держаться в таких маленьких аулах, не торопясь, дабы не поднимать белеющую дорожную пыль, подкатил к небольшому магазинчику и встал рядом с ним. Искать кого-то из представителей власти среди бела дня смысла не имело, а ждать вечера не хотелось. Опыт военного подсказывал, что проще всего узнать все новости, а главное, решить проблему с размещением можно, поговорив с продавщицей единственной торговой точки. Наверняка она не хуже сельского главы знает, где и как можно переночевать уставшим путешественникам. А заодно и познакомит с потенциальным хозяином временного пристани-

ща.

– Здравствуйте! – поздоровался он. Продавщица, высокая, склонная к полноте женщина лет сорока пяти – пятидесяти, вскинула на него удивленные глаза. Увидев незнакомца, что для высокогорного селения нынче большая редкость, она приветливо заулыбалась.

– Здравствуйте! – с заметным акцентом ответила она и рассмеялась. По добродушному полному лицу разбежались мелкие морщинки. – В гости приехали?

– Да, на пару дней. – Герман сразу взял быка за рога. – Будем снимать фильм о вашем ауле. Не подскажите, где нам можно будет переночевать? Мы бы заплатили.

– У нас за ночлег не платят, – продолжая улыбаться, ответила женщина. – Гостя Аллах дает, как можно с него деньги брать? Пойдемте ко мне, у меня дом большой, всем места хватит.

Герман опешил, он даже не предполагал, что удастся так быстро утрясти основной вопрос. А продавщица, которую, как выяснилось, звали Загидат, без лишних слов вышла из-за прилавка и, поправляя платок, поспешила к двери. Герман даже не заметил, как у нее в руках оказался большой амбарный замок.

– Раньше маленьким закрывала, – Загидат перехватила взгляд гостя и виновато улыбнулась, – а теперь времена изменились, война рядом, приходится такой вот вешать. Свои не зайдут, а вот...

Не договорив, продавщица, словно вспомнив что-то, по-серьезнела и молча махнула рукой. Герман не стал уточнять, что же изменилось – и так было все ясно: когда у соседей идут боевые действия, мало ли какие люди забредут, – и вышел следом за хозяйкой магазина.

Загидат, увидев дорогой «додж», ничуть не удивилась и показала на дом, стоявший почти напротив магазина.

– Вот здесь мы и живем, – сообщила она. – Я сейчас открою ворота, а вы заезжайте.

Герман посмотрел на высокую ограду, сложенную из рубленого камня, и большие деревянные ворота. На душе почему-то стало тревожно. Герман даже удивился: спроси его кто, с чего это он так всполошился, не ответит, а вот поди ж ты, душа ноет, словно предчувствуя беду.

Стараясь не показывать никому своего состояния, Герман легко запрыгнул на свое место и молча завел машину. Но от-молчаться не удалось. Едва он отпустил ручник, как подала голос Лера.

– Ну что, нашел гостиницу? – спросил а она. – Или, как предупреждал Мамуч, в школе ночевать будем?

Мага, сославшийся на занятость и оставшийся в Махачкале, действительно обещал, что с жильем проблем не будет и, в крайнем случае, им откроют спортивный зал в школе.

– Да нет, – Герман улыбнулся, – нас к себе Загидат зовет.

– Загидат? – удивилась переводчица. – Какая Загидат?

– Продавщица магазина. И его хозяйка. Вот здесь живет. –

Герман кивнул на синие ворота. – Кажется, хорошая женщина, как узнала, что нам нужен ночлег, сразу же к себе пригласила. А о деньгах даже слышать не хочет.

– Иногда думаешь: чем проще люди живут, тем больше души в них остается, – подал голос Геннадий. – Но я так мыслю, что в долгу мы не останемся.

– Только нужно придумать, как это сделать так, чтобы не обидеть хозяев, – согласилась Валерия. – Я знаю таких людей – они денег ни за что не возьмут.

– Разберемся, – пробормотал Герман, направляя машину в распахнутые ворота.

Двор оказался на удивление большим, с улицы даже и не подумаешь. Приличный сад, соток так на шесть, мощенная камнем дорожка к дому, стоящему в глубине, слева от ворот навес, где поместились бы и две машины. В дальнем углу двора возвышалась деревянная будка нужника, рядом с ним стояла большая бочка с дождевой водой. Чуть поодаль разместились деревянный же сарай, около него – умывальник и флигель с летней кухней.

Сам дом представлял собой обычное для этих мест двухэтажное строение из рубленого камня и отличался от других разве что тем, что на одной из стен висела тарелка спутникового телевидения.

Герман, первым выбравшийся из автомашины, присвистнул. Неплохо!

– Я не удивлюсь, если окажется, что у них есть спутнико-

вый телефон.

Герман услышал слова Панама и обернулся. Тот, не скрывая удивления, вертел головой во все стороны. Вслед за капитаном из «доджа» выбрались Мартин и Лера. Переводчица, одетая, слава богу, в длинные джинсы и такую же рубашку навыпуск, сладко потянулась и стала что-то быстро объяснять шведу. Тот понимающе кивал и сам с видимым удовольствием разминал затекшие от длительного сидения мышцы.

– Слышь, Гера, а мы-то думали, что отдохнем от цивилизации. – Панама продолжал осматривать место, где им предстояло провести пару ночей. Он показал на небольшой ветряной электрогенератор. – А здесь те же блага, разве что удовольствия на улице.

Панама кивнул на нужник. Герман развел руками, мол, что поделаешь, хорошо еще, что так, могло быть и хуже. Вон, солдаты, мимо которых они проезжали по дороге, те вообще в палатках живут. И ничего, терпят. Понимают, что здесь, в высокогорье, боевикам очень легко наладить поставки оружия из соседней страны. Вот и приходится держать бойцов даже там, где, кажется, и делать нечего. Трудно, конечно, обеспечить их боеспособность, но что поделаешь, не по своей воле мы в эту войну вступили. Да и разве сейчас важно, кто первый выстрелил? Главное – закончить бы все это безобразие поскорее, дать людям возможность зарабатывать, вести спокойную жизнь, обеспечить стабильность, тогда и достаток придет.

– Ну что ж вы у ворот стоите? Проходите, проходите! – пригласила хозяйка. – Сейчас чай поставлю, пока попьете с дороги, там и обед будет готов. Вы хинкал кушаете?

– Мы, уважаемая, все кушаем, – заверил Панама. – Еще пожалуй успеете, что таких постояльцев к себе зазвали. Вы нам лучше скажите, чем помочь? Может, воды натаскать или дров? Не стесняйтесь, пока доехали до вас, руки по работе соскучились.

– Это кто ж гостей работать заставляет? – засмеялась Загидат. – А вода у нас своя, муж с сыном родниковую воду прямо в дом провели. Что касается дров, так откуда они в горах? Для плиты есть газ в баллонах, а для отопления углем пользуемся. Бывает, что и керосином, но я его не люблю, воняет сильно. Ну, идемте, идемте, дочка уже стол накрыла, я вам покажу, где умыться с дороги, и где отдохнуть.

Стол был накрыт на просторной, с высоченными потолками веранде. Традиционные конфеты, самодельная и заводская халва, орешки и мед. Господи, сколько же в горных селениях меда! В сотах и без, самых разных оттенков желтого и янтарного цвета, собранный пчелами на том или ином склоне и от этого имеющий самый широкий спектр лечебного действия, он – украшение любого стола. Пусть ученые всех стран ломают себе головы в поисках секрета горского долголетия, но для Александрова с некоторых пор стало понятно, что здесь не обошлось без этого бесценного дара маленьких крылатых тружениц – пчел.

– Вот, попробуйте нашего варенья! – Загидат внесла несколько вазочек. – Это алычовое, это яблочное, а это вишневое!

– Скажите, Загидат, – не удержался от вопроса Панама, – а почему, где бы мы ни остановились, нас всюду угощают вареньем и везде оно разного цвета? Вот то же алычовое. У вас оно темно-желтое, почти горчичного цвета. А утром мы проезжали один аул, так там нас угощали янтарным. А вчера оно было темное, почти как сливовое. Наверное, рецепты разные?

– И рецепты разные, и алыча разная, – пояснила улыбчивая хозяйка. – У нас же как: чем выше в горы, тем прохладнее. Есть склон горы, где солнце чуть ли не весь день, а есть, где и лучика не бывает. Везде деревья по-разному растут, в разные сроки вызревают. Те же яблоки возьми. Их же весь сезон собираешь. Начинаешь летом внизу, в долине, а заканчиваешь осенью в горах. И все время свежие, только-только поспевшие.

– Вот здорово! – восхитилась Валерия. – Можно завод ставить и без всяких хранилищ обойтись!

– Лера, не забывай, что счастья много не бывает, – остудил ее пыл Герман. Он вспомнил сады на Кубани и вздохнул. – Здесь же за каждым деревцом приходится полдня карабкаться на скалу и полдня спускаться. Или наоборот. Ты вспомни, какие поля мы проезжали. Крохотные террасы, заполненные землей, натасканной из плодородных долин. Плетеная огра-

да – вот и вся защита этих, с позволения сказать, полей. Это же каторжный труд! Попробуй в таких условиях вырастить урожай – и никаких заводов не захочешь.

– А как же без труда? – удивилась Загидат. – Конечно, приходится попотеть, зато как потом приятно, когда на стол есть что положить! Да вы чего смотрите, угощайтесь, угощайтесь! Курбан с сыновьями постарался на славу, у нас полные подвалы такого варенья. Его столько, что девать некуда! Каждый год говорю себе, что больше не буду связываться с этим делом, прошлогодние банки девать некуда, так нет, муж яблоки принесет, не выбрасывать же? Вот и берешься за работу. Так что спасайте, освобождайте место под нынешний урожай! Я вам еще и в дорогу варенья положу!

– Ну что вы, – завозражал было Герман, но не договорил – на веранду вбежал высокий темноволосый парень лет двадцати. Он был так похож на хозяйку, что можно было даже не спрашивать, чей это сын.

– А вот и Гарун явился! – воскликнула Загидат. Она обрадовалась, что теперь есть на кого оставить приезжих и без помех заняться кухней. Как же, появился такой повод блеснуть кулинарным искусством, а приходится отвлекаться, не оставлять же людей без внимания!

– Здравствуйте! – парень удивленно оглядел гостей, наибольшее внимание уделив Лере.

– Это мой старший! – В словах горянки было столько гордости и столько любви, что на залитой светом веранде стало

как будто еще светлее. – Сынок, ты посиди с гостями. Смотри, чтобы они не скучали! Но и вопросами не надоедай...

– Ну мама! – Гарун, с трудом оторвав блестящие черные глаза от Валерии, укоризненно посмотрел на мать. – Я сам знаю, что делать.

– Хорошо-хорошо, – примирительно улыбнулась Загидат. – Все знают, что ты уже взрослый.

Едва дождавшись, пока мать выйдет, Гарун, мельком бросив быстрый взгляд на Леру, посмотрел в окно.

– Это на нем вы приехали? – Он показал пальцем на «додж» и, не дожидаясь ответа на вопрос, тут же задал еще один: – А что это за сетка странная у вас сзади торчит? И рога маленькие перед ней...

– Это антенна спутникового телефона. – Панама первый догадался, о каких «рогах» говорит Гарун. – Нам нужна постоянная связь с коллегами, вот для этого и возим с собой оборудование.

– А вы...

– Мы – съемочная группа, – поспешила объяснить Валерия. – Это Мартин Свенсон, руководитель проекта. Меня зовут Лера, я переводчик. Гена оператор, а Герман водитель.

– А я Гарун! – горделиво заявил темноволосый. – Гарун Алиев.

– Вот и познакомились. – Панама протянул руку, которую молодой горец с готовностью пожал. – Будешь нам помогать?

– Конечно! – горячо согласился парень и вновь, не удержавшись,

жавшись, стрельнул глазами в сторону Леры. – А что нужно делать?

– Да в общем ничего особенного. – Валерия перевела слова Гаруна Свенсону. Дождавшись ответа начальника, спросила: – Ты же, наверное, хорошо знаешь горы?

– Я?!!!

– Да верим, верим! – Панама поспешил потушить огонь в глазах Гаруна. – Мы прекрасно понимаем, что лучше тебя нам никто горы не покажет. Это Мартин спросил, просто чтобы начать разговор.

– Я здесь каждый камень знаю! – улыбнулся Алиев. Его еще по-детски пухлые губы растянулись, обнажив великолепные белые зубы. – Скажи, куда тебя отвести, и мы пешком там будем раньше, чем кто-то другой на машине. А если верхом, то и говорить не о чем!

– Верхом? – встрепенулся Герман. – А что, есть лошади?

– Ну вы даете! – засмеялся Гарун. – Вы же в горах! Здесь без коня, как...

Парень искал слова для сравнения, но, так и не найдя таких, которые могли бы выразить его чувства, почел за благо не продолжать. Вместо этого он стал расписывать достоинства своей красавицы Мери, кобылы-пятилетки ахалтекинской породы. Да лучше ее нет лошади во всем районе! Говоря это, Гарун так сверкал глазами, что ни Герман, ни Геннадий не стали подвергать сомнению слова молодого человека. Хотя и были уверены, что в любом ауле найдется

такой же любитель лошадей, у которого тоже найдется «лучший конь в районе».

А вот на Леру рассказ Гаруна произвел глубокое впечатление. Она так живо представила лебединую шею Мери, ее короткий, поджарый корпус на тонких, длинных ногах, что сорвалась с места и подскочила к юноше – дескать, нельзя ли ей покататься верхом? Знала бы она, чем это все закончится...

Глава 4

Какой же горец устоит перед капризом женщины? Тем более такой красивой, такой очаровательной. Гарун с таким жаром предложил прокатиться прямо сейчас, что Валерия, вначале несколько смутившись, тут же отбросила все сомнения и перевела предложение Мартину, предлагая и ему размяться перед обедом. Выслушав Попову, тот добродушно улыбнулся, но от поездки отказался. Решительно помотав головой, швед показал рукой на Александрова и произнес несколько слов на своем языке.

– Герман, Мартин предлагает, чтобы мы вместе с тобой воспользовались моментом и прокатились по окрестностям. Я посмотрю, что можно снимать, а ты разведаеть дорогу к этим местам. – Глаза Валерии испытующе смотрели на Германа. – Как, поедешь?

Мог ли он после такого взгляда отказаться? Да ни за что на свете! Даже если бы пришлось скакать верхом на крокодиле. А то, что нет опыта, так это не беда. Подумаешь, делов – то! Седло, поводья и конь, дружелюбное существо. Тем более что в детстве пару раз доводилось бывать в деревне, там и научился сидеть верхом. Правда, ему всегда доставался старый, спокойный мерин, но все равно, научился по крайней мере держать в руках повод. А потому надеялся, что не ударит лицом в грязь. Не хватало только оплошать на глазах у

Леры и этого мальчишки.

Майор решительно встал. Гарун только этого и ждал! Он вскочил и, забыв обо всем, бросился к двери. Герман подал руку Лере. Та еще раз лукаво взглянула на него и, улыбнувшись его смущению, легко скользнула к выходу.

– Вы куда собрались? А обедать! – воскликнула встретившаяся им в коридоре Загидат со стопкой тарелок в руках. – Гарун, это что такое?! – На лице хозяйки была написана растерянность. – Ты куда гостей уводишь? Они же с дороги! Не накормил, не дал отдохнуть... Мери?! – догадалась она. – Это ты... ну, совсем с ума сошел! Так, давайте назад, за стол, а кататься потом поедете!

– Ну мама, мы же быстро! – Гарун умоляюще сложил руки на груди. – Пока то да се, мы уже вернемся. Кружок сделаем, и все.

– Да-да, – поддержала его Валерия, – нагуляем аппетит и немного придем в себя после езды в машине. Мотор так шумит, что до сих пор гул в ушах стоит. А у вас тихо, хорошо, воздух такой чистый, такой прозрачный, что сидеть под крышей не хочется. Мы правда скоро вернемся, вы даже не заметите, как мы уже будем тут!

– А не свалитесь? – Хозяйка с сомнением посмотрела на гостей. – Лошадки у нас резвые.

– Да что вы! – засмеялась Лера. – Я все годы, пока была студенткой, в спортшколу ходила. И хоть на стипль-чез не взяли, кое-чему все-таки научилась.

– Ну, смотрите сами, – сдалась Загидат. – Опоздаете, я на вас обижусь! А ты, Гарун, смотри, чтобы Мери гостье отдал! А то сам не додумаешься!

– Конечно, мама! – со смехом сказал Гарун. – Зачем нам всем думать, когда у нас есть ты?

– Насмехаешься над матерью? Ну-ну! – все еще укоризненно, но уже мягче произнесла Загидат. И тихо, так, чтобы ее не услышали приезжие, добавила: – Только смотри, к озеру ни шагу!

Парень кивнул и, посерьезнев, незаметно глянул на своих спутников. Но те были заняты разговором.

– Значит, говоришь, мотор громко гудит? – вполголоса спросил Герман. – Гул в ушах стоит?

– Не вредничай! – так же тихо ответила Лера. – Видишь же, как мальчику хочется показать лошадь? От тебя что, забудет, если дашь ему немножко покрасоваться?

– Очень надеюсь, что не забудет, – пробормотал Герман, поднимая глаза на Леру.

Ответом ему был укоризненный взгляд, но тут же девичьи губы раздвинулись в улыбке. Да еще какой! Той, от которой мгновенно забываешь все на свете.

Мери превзошла все ожидания. Она оказалась еще краше, чем ее описывал Гарун. Высокая, стройная кобылка олицетворяла собой сплав изящества и силы. Даже Герман, с тревогой ожидавший встречи с норовистыми горными лошадьми, ахнул от восхищения.

– Не зря в авиации говорят, что летают только красивые самолеты, – проговорил он.

– Какая прелесть, – выдохнула Валерия. – Господи, я влюбилась!

– Я же говорил, что моей Мери нет равных! – Гордый за свою Мери, которая произвела такое впечатление на гостей, Гарун ласково прижался к лошадиной морде. – Мери, красавица моя! Знали бы вы, какая она умница! Иногда кажется, что она в некоторых вещах умнее меня!

Как и было обещано, Мери досталась Валерии. Гарун оседлал гнедого горячего Карая, а Александрову предложили стареющего, но все еще быстрого и выносливого метиса, носящего гордое имя Маркс. Герман, узнав, что ему предстоит оседлать коня, который носит имя деятеля, запустившего по Европе призрак коммунизма, даже приосанился и проникся чувством собственной значимости. Еще бы! Скажи кому, что поднимал на дыбы самого Маркса... никто не поверит. И правильно сделает, по правде говоря. Чего больше всего опасался майор запаса, так это как бы его конь не начал брыкаться да становиться на дыбы. Случись такое, он непременно свалится. Вот будет позор!

– Герман, не спи! – крикнула Лера и легким движением колен послала Мери вперед. Умное животное мгновенно отреагировало на команду и рвануло с места. Гарун без видимых усилий мгновенно оказался рядом с девушкой.

Пока Герман собирался приказать своему жеребцу тро-

гаться, тот сам, не дожидаясь, пока всадник, наконец, соберется с духом, рванул вдогонку за более молодым соперником. Ревность свойственна не только людям, но и лошадям.

Лера не хотела огорчать Загидат и заставляя себя ждать, а потому решила подняться на небольшую возвышенность, на склоне которой находилось селение, и, сделав круг, вернуться назад. Дав поводьями направление, она пустила Мери в легкий галоп. Однако норовистой кобылке этого было мало. Ей хотелось размяться, и, чувствуя, что всадница не против, Мери перешла на более быстрый аллюр. Карай не отставал, Маркс, к сожалению Германа, тоже. Он уже отчаянно жалел, что ввязался в эту авантюру, но не мог же он отпустить Леру одну? Да еще с молодым парнем. И пусть он, может быть, выглядит смешно, но отстать он ни за что не отстанет!

Между тем Валерия, легко взлетев на вершину, остановила лошадь и, зачарованно оглядев величественную панораму, замерла в восхищении. С холма открывался воистину потрясающий вид. Всюду, куда ни кинь взгляд, были горы. Далекие и близкие, большие и... очень большие, они величественными монументами возвышались совсем рядом, подалее, еще дальше... повсюду. Переливаясь различными оттенками зеленого внизу, выше они становились красновато-коричневыми и желтовато-серыми, их вершины вздымались вверх на такую высоту, что казалось, если стать там, на вершине, то увидишь, как облака проплывают прямо под твоими ногами. Найдется ли что-либо равное горам по ве-

личию и красоте?

– Нравится?

Лера вздрогнула и обернулась. Рядом с ней был Гарун. То, что произвело на девушку такое впечатление, он видел изо дня в день и почти не замечал. Он спешил, ему хотелось показать ей еще одно местечко, которое, как он думал, ей понравится. Но Лера не двигалась с места, а ее спутник так тот вообще еще только взбирался на вершину. Его конь явно нервничал. Метису не нравилось, что выскочка Карай позволяет себе становиться так близко к Мери. Мало того, этот наглец еще и трогает своими губами морду кобылицы! Стерпеть такое было выше его сил. Маркс готов был разорвать соперника, растоптать его, но что поделаешь с этим рохлей, который мешком подпрыгивает на спине и не дает ему ходу.

А Карай, ободренный поведением Мери, которая, словно бы понимая, что ее всадница – хрупкая женщина, держалась очень смирно, стал еще более настойчив. Пользуясь тем, что Гарун увлеченно смотрит на гостью и ничего вокруг не замечает, Карай, победно заржав, подошел к кобыле вплотную и нежно куснул ее за шею. Мери вздрогнула и попыталась отойти в сторону, но жеребец, ободренный полным попустительством людей, совсем потерял контроль над собой. Он еще дальше вытянул шею и сильнее сжал зубы. Умница Мери, словно бы понимая, что на большее он все равно не решится, а ее бурная реакция может повредить всаднице, стерпела и это.

Но зато Маркс уже не смог сдержаться. Горячая кровь ударила в голову жеребцу, и он одним могучим прыжком преодолел расстояние, отделявшее его от наглеца.

Герман, не ожидавший такого маневра, удержался в седле просто чудом. Конь вышел из повиновения. Намертво вцепившись в его холку, Герман как будто со стороны наблюдал, как тот вновь поднимается на задние ноги и всей тяжестью своего тела бьет Карая.

Не ожидавший этого молодой конь едва устоял на ногах. Он шарахнулся в сторону и от боли сильно куснул нежную шею Мери.

Снести такое гордая кобыла уже не могла. Гневно заржав, она стала раздавать укусы и удары копытами обоим неудавшимся ухажерам. Испуганная внезапным приступом ярости, Лера попыталась было утихомирить лошадь, но Мери уже никого не слушалась, она была ослеплена злобой. Гарун же, вместо того чтобы успокоить возбужденных животных, взбесился сам и, выхватив плеть, стал изо всей силы хлестать Карая.

Для Карая, оскорбленного нападением метиса и обиженного ударами Мери, наказание плетью послужило той самой соломинкой, что, говорят, сломала спину верблюда. Конь так резко встал на дыбы, что чуть не потерял равновесия, и, пытаясь устоять на задних ногах, отчаянно замахал передними. Тяжелые копыта со свистом рассекали воздух, но бесполезно - гнедой все больше и больше заваливался набок, и вот

уже его падение стало неизбежным. Карай стал стремительно падать.

Гарун еле успел выпрыгнуть из седла и откатился в сторону, чтобы не оказаться под конским крупом. Карай упал, но в самый последний момент успел ударить копытом ревнивого соперника. Удар пришелся метису в голову и был такой силы, что тот лишь чудом устоял на ногах. Последствия удара были ужасны. Временно ослепнув и потеряв ориентацию, Маркс в панике громко заржал.

Только напрасно он напомнил Мери о своем присутствии. Разгневанная кобыла принялась вымещать свою обиду на несчастном метисе, кусая и ударяя его копытами. Ничего не видя, не понимая, что происходит и куда отскочить, чтобы избавиться от напасти, конь замотал головой и стал шархаться из стороны в сторону. Один только Бог ведает, что стоило Герману удержаться в седле. Да, как ни удивительно, он все еще держался! Поводья давно уже выпали у него из рук, побелевшие пальцы судорожно вцепились в луку седла, колени вдавились до боли в суставах в конские бока, но он держался, ничего не видя перед собой и ничего не соображая, движимый одним лишь чувством самосохранения.

Наконец Гарун, затеявший эту прогулку, бросился останавливать ослепшего коня, беспорядочно прыгавшего из стороны в сторону. Стоя на земле, он попытался поймать поводья Маркса и упустил из виду Мери. А та, в очередной раз куснув метиса, нечаянно наступила молодому горцу на ногу.

Гарун в ярости взмахнул плетью, но в последний момент пожалел кобылу и ударил Маркса. Плеть оказалась последним испытанием для психики жеребца. Бешено тараща невидящие глаза, метис метнулся в сторону, оказавшись, не желая того, в пределах досягаемости разгневанной Мери, и вновь почувствовал на своем крупе ее зубы. Бедного Маркса уже ничто не могло удержать. Спасаясь от преследующих его ударов и укусов, несчастный конь закусил удила и сломя голову рванул, не видя ни дороги, ни белого света!

И, что самое неприятное, Герман так и остался в седле. Неуправляемая живая торпеда, неся на себе человека, понеслась навстречу беде...

– Что-то долго нет наших гуляк! – Панама, изнывая от скуки, терзаемый внезапно возникшим беспокойством, вышел на высокое каменное крыльцо.

Чертов швед, и чего он не учит русский? Раз снимаешь здесь фильм, так язык осваивай! Было бы с кем поговорить. А так сиди, кукуй в одиночку. Ребята катаются, Загидат с дочкой на кухне, вот-вот начнет стол накрывать. Ее муж, глава семьи Курбан, задержался в райцентре. Если б узнал, что в доме гости, небось вернулся бы раньше.

Геннадий бросил взгляд на ворота. Нет, не показываются. Загуляли любители конных прогулок, ох загуляли! Могли бы и подумать, между прочим, что некрасиво вот так хозяев оставлять. Обед-то готов, капитан это уже по запаху чувствует. Особенно пахучей оказалась чесночная приправа. От ее

аромата можно с ума сойти. Будь ты хоть трижды сыт, услышав ее призыв, не устоишь и сядешь за стол. Да и баранина весьма кстати. Черт, и почему у этой простой женщины все так вкусно пахнет? Обычно Панама терпеть не мог баранину! Любую, и вареную и жареную, но сейчас аромат был такой, что он даже удивился, почему раньше с таким пренебрежением к ней относился. Секрет Загидат, что ли, какой знает? Или в этих местах овечья порода такая? Нужно будет спросить...

О! Вот, кажется, и хозяин дома появился! Отлично, будет с кем поговорить. Заодно и секретом приготовления горной баранины поинтересоваться.

Пришедший действительно оказался Курбаном. Высокий, широкоплечий усач, он успел одним взглядом охватить серый от налипшей пыли «додж», стоящего на крыльце Геннадия и вышедшую ему навстречу здоровенную кавказскую овчарку. Панама растерянно застыл на месте. Вот это да! Знал бы он, что в доме есть такое чудовище, да еще не привязанное, из автобуса бы не стал вылезать! Это же пострашнее любого холодного оружия будет. Одна башка чего стоит.

– Ну, наконец! – раздался голос Загидат, и из флигеля вышла хозяйка. Она произнесла несколько фраз на незнакомом капитану гортанном языке и вновь перешла на русский: – Курбан у нас председатель сельсовета, – с гордостью произнесла женщина. – Высшее образование имеет. Так что он вам скучать не даст. А я, наверное, начну уже накрывать. Ваши

друзья должны вот-вот подойти... Гарун, бездельник, я же просила его не опаздывать. Ну ничего, я столько чуда напекла, столько хинкала сделала, что всем хватит и еще останется! Давайте, садитесь...

– Э, Загидат, иди, занимайся своим делом, – прервал жену Курбан. – А мы с...

– Геннадий. Меня Геннадием зовут, – представился Пономарев. – Можно просто Гена.

– Вот мы с Геной сами познакомимся! – Глава семьи жестом пригласил гостя вернуться в дом. Увидев дремлющего в кресле Мартина, усмехнулся. – Вот как вас здесь принимают! Голодными держат, да еще отдохнуть не дают. Нет чтобы дать поспать человеку...

– Курбан, ну как ты можешь! – Загидат поставила на стол поднос с кусками вареной баранины и возмущенно посмотрела на мужа. – Да я давно бы накормила всех, но Гарун затеял эти катания...

– Ладно-ладно, не шуми, – отмахнулся Курбан. – Я говорю не о том, что ты могла или не могла, а о том, что вижу. Давай, носи все, что есть!

Горец повернулся к Панаме и вновь сделал приглашающий жест.

– Садись, дорогой, садись! Ты же у меня в доме, а значит, должен чувствовать себя, как в твоём собственном. – Глаза главы дома встретились с глазами Геннадия, и он только теперь заметил в них веселую хитрецу. – Сейчас мы с тобой, –

от взгляда Курбана не укрылось, что Свенсон проснулся, и он поправил сам себя, – с вами выпьем, закусим, а там, глядишь, и ваши друзья вернутся.

Пока Курбан говорил, медленно, неторопливо, четко проговаривая каждое слово, чтобы как можно меньше проявлялся акцент, Загидат и ее дочь Сакинат успели раза по два зайти на застекленную веранду, и каждый раз в их руках были большие подносы с незнакомой Геннадию снедью.

– Ты что будешь пить: водку или коньяк? – спросил горец.

Панаме вопрос понравился. А главное, его постановка! Курбан не спрашивал, будет ли гость пить, он интересовался только тем, что он, Геннадий, предпочтет.

– Водку! – решил капитан. Он понимал, что одной рюмкой не обойдешься, а в таких случаях коньяк противопоказан. Вино же он не любил с ранней молодости, когда познакомился со знаменитым «Солнцедаром».

– Если хочешь чего-то другого, скажи, пошлем Загидат в магазин, там у нее чего только нет! Все, что захочешь!

– Курбан, спасибо... и мне, право, неудобно, что мы доставляем вам столько хлопот, – начал было Геннадий, но хозяин дома движением руки прервал его сбивчивую речь.

– Прекрати эти разговоры! Вы мои гости, а потому не нужно лишних слов. А... вот и твой товарищ к нам присоединился. – Горец, заметив, что Свенсон проснулся и открыл глаза, воспользовался возможностью переключиться на другую тему. – Вот и отлично! Теперь нас будет трое! Как тебя

зовут, уважаемый?

– Курбан, он швед и по-русски не знает ни слова, – поспешил объяснить Панама. – Его зовут Мартин... и он ученый.

Швед, услышав свое имя, догадался, что речь идет о нем, и, встав, торжественно протянул руку.

– Свенсон! Мартин Свенсон! – представился он. А затем произнес несколько фраз, которых не поняли ни Геннадий, ни тем более хозяин дома, отвечающий на рукопожатие.

– Курбан Алиев! – не менее торжественно ответил горец. – Рад приветствовать вас в своем доме. Это большой почет – принимать гостя из такой далекой страны. Слава Аллаху, времена изменились, теперь и к нам могут приезжать люди из разных стран. Больше гостей, больше друзей.

Курбан жестом пригласил Мартина сесть за стол, уставленный яствами. Видно было, что ему очень хочется узнать, что привело ученого из далекой Швеции в маленький высокогорный аул. Но традиции не позволяли приступать к вопросам, прежде не накормив гостя.

– Ну что, возблагодарим Всевышнего за то, что он нам послал эту еду, и приступим? Или будем ждать ваших друзей? – Теперь, когда Курбан узнал, что среди приезжих есть иностранец, он не осмеливался самостоятельно решать за отсутствующих членов группы.

– Сам не знаю. – Панама пожал широкими плечами. – Я по-шведски ни бельмеса, а переводчица и наш водитель катаются с вашим сыном. Мы ведь приехали фильм снимать о

ваших горах.

– Фильм? – опешил хозяин дома. Искреннее удивление и радостная надежда, что так оно и будет, мгновенно отразились на его мужественном лице. – Шутишь?

– Да нет, серьезно. – Пономарев показал в сторону «дожда». – Камера и оборудование там, в автобусе. Завтра и начнем. Мартин чего ребят послал, он хотел, чтобы те местность посмотрели, наметили, откуда начинать.

– О, да у нас есть столько мест дивных, столько ущелий... да у вас пленки не хватит, чтобы все заснять! – Глаза Курбана пылали огнем. – Здесь такие чудеса показать можно, что как увидишь, так обомлеешь! Одним словом, если попадешь туда, все! Никуда не уедешь!

– Заблудишься, что ли? – шутливо предположил Геннадий.

– Какой заблудишься, в джунглях, что ли? – Указательный палец горца возмущенно взлетел вверх. – Сам уезжать не захочешь! Такие красоты где увидишь? Что ваша Швейцария, что Америка... тьфу, мелочовка! Вот у нас здесь смотри, какие горы, какой воздух, какой простор! А реки, вода? Где такую чистую воду ты еще выпьешь? Ваши тяжелые металлы, ваши разные там химии... Здесь их нет! Те же кислотные дожди, о которых в газетах пишут... писали, сейчас уже не пишут, поняли, что бороться с ними не смогут, вот и не разрешают говорить о них простым людям... Так вот тучи с этой заразой к нам в горы не поднимутся, не смогут! Тяже-

лые они слишком, чтобы до нас добраться.

– Наверное, охота тут у вас хорошая, – протянул Геннадий. Хозяин так любит родные места, пусть поговорит на приятную тему.

– О, о чем ты говоришь, какая охота... Тут зимой есть места, куда ветер не попадает! Горы так стоят, что не дают ему зайти туда. – Горец показал рукой в сторону одной из стен, подразумевая, что ущелье, о котором он ведет речь, находится как раз в том направлении. – Так вся живность на зимовку там и собирается! Столько зверья, что можно стать внизу и не целясь вверх выстрелить. И обязательно попадешь! Что-нибудь, да упадет! Да только разве мужчина позволит себе так охотиться? Это уже убийство, а не охота. Как в селеении одном, не буду говорить в каком, все равно название вам ни о чем не скажет... так вот, дорогу они себе строили и, чтобы не делать мост через речушку, решили ее в трубу большую загнать. Водопад вроде как получился. Так детвора наловчилась сидеть на этой трубе и ждать, пока форель, что идет вверх по течению, в трубу эту прыгнет, и сачком ее... бедную. Разве это дело? Дома что, есть нечего? Так же можно всю рыбу в реке извести!

– Сачком? Форель? – не поверил Геннадий. – Вот это да! Впервые слышу!

– Да что, вот видел бы ты...

– Папа, ты им про аждаха расскажи! – раздался детский голос. – И про озеро, где аждаха живет!

Панама повернулся. В дверях стоял мальчик лет шести. Светловолосый, со светло-кариими ясными глазками, он был похож и на отца, и на мать. Малыш держал в руках коробку с набором вилок и ложек. Видимо, Загидат послала его помочь сервировать стол, но сын, услышав речи отца, заслушался и забыл, зачем его послали.

– И про Ледяную птицу!

– Гамид! – Окрик отца стегнул малыша, словно кнут, и тот, вздрогнув, замолчал. – Тебя кто...

Курбан перешел на родной язык, и дальнейших слов Геннадий не понял. Но по интонации и по выражению лица говорящего было ясно, что глава семьи рассержен до предела. Панама удивился, ему стало как-то не по себе. Господи, да что же такого сказал ребенок, что его так ругают?

– Курбан! Я прошу прощения, – несмотря на свое решение ни во что не вмешиваться, Геннадий не выдержал – надо было выручать малыша. – Наш гость, – Пономарев глазами показал на шведа, – у них не принято так обращаться с детьми.

Горец хотел что-то ответить, но сдержался. Прикрыв на секунду веки, он резким движением кисти сделал знак, и мальчик, чуть не плача, убежал к маме.

– У нас тоже не принято так говорить с детьми, – тихо проговорил Курбан. – Я впервые... Нет, лучше не будем об этом. Так вы говорите, что ваш фильм будет о горах? Или о людях, живущих здесь? Я спрашиваю, потому что мог бы

помочь вам определить маршрут.

– Вообще-то цель Мартина – показать красоту этих мест. – Панама и сам был рад уйти от неприятного эпизода, а потому сразу подхватил разговор. – Красоту края гор, красоту его людей. Привлечь туристов, инвестиции. Как говорит Свенсон, а обычно его слова не расходятся с делом, он хочет на одном маленьком регионе, таком, как Дагестан, доказать, что достаточное вложение средств позволит республике быстро достичь уровня жизни развитых стран. Ведь любой уголок Земли чем-нибудь да богат. Нужно просто найти то, что могло бы приносить стабильный доход жителям, и помочь им наладить реализацию этого продукта. И все, тогда еще одним нищ... бедным регионом станет меньше. И так, шаг за шагом, можно решить множество проблем на планете. Деньги можно проесть, а можно на них построить то, что будет все время кормить. Ведь так?

Курбан кивнул. Видно было, что он стыдится своей вспышки, и это добавляло интриги в ситуацию. Пономарева просто распирало от любопытства, что же такое сказал малец, но, боясь навлечь на голову Гамидика еще одну порцию гнева, он всеми силами подавлял свое желание задать вопрос об этом...

– Да, вы правы, – наконец кивнул глава семейства Алиевых. – У нас есть что посмотреть и что показать. И я вижу, что вам очень хочется узнать, почему я поругал сына. Но, поверьте, я не могу вам ничего сказать. – Увидев недоуме-

ние в глазах собеседника, он добавил: – Я о вас беспокоюсь, о вашей жизни.

Глава 5

Мери, не отличавшаяся тихим нравом, вспыхивала быстро, но так же быстро успокаивалась. Прогнав одного ухажера и бросив на землю второго, она утолила свой гнев и, фыркнув в последний раз, затихла, застыла на месте и отпустила прикушенную узду. От былой вспышки осталось только тяжелое дыхание и изредка пробегавшая по коже нервная дрожь.

Испуганная всадница наконец смогла перевести дух. Чем Лера и воспользовалась. Спустившись на землю, она обняла капризную красавицу за шею, прижалась к ней и стала говорить ей что-то ласково-успокоительным тоном, хотя у нее самой на душе покоя не было. Ведь это она во всем виновата, если б ей не приспичило покататься верхом, так ничего бы не случилось. Господи, и зачем только ей это нужно было? Сидела бы сейчас в большом доме, за обеденным столом и ела всякие вкусности, что приготовила Загидат...

– Лера, ты цела? – раздался за спиной голос Гаруна. – И Мери... с ней все в порядке?

Валерия повернулась. Сконфуженный владелец лошадей стоял рядом с Караем и, удерживая коня крепкой рукой, с тревогой смотрел на свою любимицу.

– Я-то цела, но что с Германом? – Лера тревожно посмотрела в сторону ущелья, за которым возвышалась гора. Если

она не ошибается, метис унес его именно в ту сторону.

– Они... поскакали туда? – На лице парня отразился испуг. – Туда?!!!

– Да. А что, это опасно? – Беспокойство Гаруна передалось и девушке. – Там что, пропасть?

Юноша не ответил. Прикусив губу и вытянув шею, он оглядывался по сторонам, видимо надеясь, что все это лишь показалось девушке и его Маркс избрал совсем другой путь. В любую другую сторону, но только не туда.

– Ну что же ты молчишь?! – В голосе Леры послышались истерические нотки. – Там пропасть?

Гарун рывком повернулся к ней и тут же виновато потупился. И это движение, и этот потупленный: взгляд сказали больше, чем любые слова. Валерия почувствовала, как по сердцу полоснуло острое предчувствие беды.

– Там... хуже, чем пропасть, – не поднимая головы, проговорил юноша. – Там озеро.

– Ну и что? Плевать! – Лера сунула ногу в стремя и лихо вскочила в седло. – Плевать!

– Стой! Туда нельзя! – закричал Гарун. – Это... опасно! Очень опасно!

Но Лера словно не слышала его. Она дала шенкеля кобыле и, заставив ее развернуться к ущелью, пустила вскачь. Гаруну ничего не оставалось, как последовать за ней.

Валерия сама не могла сказать, что заставило ее так поступить, но что-то потаенное, неизвестное, не поддающееся

разумному объяснению вело, тащило ее вперед, туда, куда несколькими минутами раньше ускакал Александров на обездумевшем Марксе.

* * *

А Маркс действительно лишился остатков своего лошадиного разума. Он мчался вперед, сам не зная, куда несет его нелегкая, и ничего не видя перед собой – зрение пока не вернулось к бедняге. Слепой, измученный болью, незаслуженно причиненной ему кобылицей и ее молодым ухажером, конь был в состоянии, характеризуемом одним словом – истерика. Она не отпускала его, наоборот, только усиливалась. Жеребцу казалось, что мучители продолжают гнаться за ним. Он был в такой панике, что пугался даже стука собственных копыт. Размноженный эхом ущелья, стук дробился, и несчастному коню казалось, что это топот множества злобных гонителей, жаждущих вонзить в него свои зубы. Догнать, разорвать, забить копытами – вот чего они все хотят.

А еще истерзанного Маркса мучили колючки. Злые кусты, сквозь которые продирался не разбиравший дороги метис, разрывали грудь, бока, ноги... Мелкие, но многочисленные и болезненные царапины кровоточили, и конь, в минуты опасности обостренно воспринимающий запахи, чувствовал страшный горячий дух собственной крови. И от этого пугался еще больше. Дикий ужас овладел им.

Каково было состояние всадника, судорожно вцепившегося в луку седла, об этом лучше и не говорить. Не испытывая особой любви к верховым прогулкам и согласившись участвовать в этой аванюре только из-за Валерии, Герман думал лишь об одном – чтобы все это кончилось, поскорее кончилось! Коня остановить не удастся, это ясно, значит, нужно падать. Падать самому, пока его не сбросил сумасшедший метис, пока можно самому выбрать момент и место для приземления. Пока, в конце концов, не разбирающий дороги Маркс не ухнет в пропасть вместе со своим всадником.

Но одно дело принять решение прыгнуть и совсем другое – прыгнуть в самом деле. Даже для опытного циркового наездника соскок на полном ходу с бешено скачущей лошади – трюк высшей категории сложности. Что же тогда говорить о летчике, далеко от циркового сообщества?

Как ни храбрился майор, как ни обещал себе, что вон там, возле того дерева или после следующего поворота он наберется смелости и соскочит, ничего подобного не происходило. Пролетало мимо заветное дерево, проносился мимо очередной поворот, а Герман все еще оставался в седле. Проклиная собственную нерешительность, понимая, что с каждой секундой шансы на спасение уменьшаются, Герман все еще рассчитывал на везение, выручавшее его в прошлые годы. Если бы не эта надежда, если бы не вера, что с ним ничего плохого не случится – это случается только с другими, – может быть, он все же преодолел бы свой страх и рискнул.

Но губительная надежда на авось, жившая в душе человека, плюс ужас, гнавший все вперед и вперед его коня, стремительно несли обоих к неминуемой гибели. И они, эти скованные одной бедой существа, ничего не могли с собой поделать.

Ни человек, ни конь уже не замечали ничего. Они не видели, куда их вынесла бешеная скачка и как резко изменилась местность вокруг. Кончились ярко освещенные солнцем заросли кустарника, и объятая ужасом парочка незаметно влетела в тенистый лес с реликтовыми деревьями. Мрачные, с высоко оголенными корнями, они представляли собой не слишком веселое зрелище, но мечущемуся в поисках спасения Герману было сейчас не до красот или уродств окружающего мира.

Озеро, блеснувшее зеркалом справа, Герман тоже заметил не сразу. Что Маркс несется по краю воды, он понял лишь по изменившимся звукам, выбиваемым копытами. Не отрывая головы от шеи коня, к которой он прижимался, Герман посмотрел вниз: конь скакал уже не по мягкой, поросшей высокой травой земле, а по скользкому, покрытому остатками водорослей и лужами каменистому берегу. И сразу же мелькнула мысль: вот оно! Сейчас, вот сейчас надо прыгать! В воду, она спасет, смягчит удар!

Но нет, проклятый конь вновь рванул в сторону и помчался по... дороге? Дорога?! Это еще откуда? Герман мог дать руку на отсечение – только что дороги не было! Она взялась

из ниоткуда! Как он ни напуган, но такую вот ровную, прямую и широкую, почти из сплошного каменного монолита магистраль он бы не пропустил и заметил издалека. Еще бы, да с такой взлететь можно!

Пользуясь тем, что на идеально ровной дороге не так трясло, Герман поднял голову и посмотрел вперед. Господи, да тут же метров восемьсот... а то и вся тысяча! И ширина метров пятьдесят. Ну точно, полоса! Только короткая. Во всем остальном – идеальная! Такой он не видел нигде, даже на самых современных аэродромах. Вот так находка! Это же...

Додумать он не успел. Неожиданно со стороны озера ударила огромная волна, и его вместе с конем окатило водой. Ее было так много, что Герман еле удержался в седле. Он в испуге посмотрел направо, где было озеро. Герман мог поклясться, что еще десять-пятнадцать секунд назад оно было спокойным и гладким, как лед в хоккейной коробке!

Но что это? Куда идет дорога? Куда она... падает?! Падает дорога? Но такого не может быть! Но если так, почему же она движется?! Почему уходит из-под ног?!!

Дальше все покатилося как в тумане. Казавшаяся ранее ровной и надежной, словно трасса Москва – Санкт-Петербург, полоса камня вдруг наклонилась, и метис со всадником даже моргнуть не успели, как оказались под землей. Последнее, что еще удалось увидеть Герману, была серо-желтая плита. Она промелькнула на уровне глаз в такой близости, что летчик сумел разглядеть ее мелкие трещинки...

А дальше удар!!! В глазах полыхнуло, а затем пришла темнота!

* * *

Лера и Гарун спускались к озеру гораздо дольше, чем их спутник. Заметив смятые и поломанные кусты, узкие словно бы просеки в колючих зарослях, Лера поняла, что здесь промчался Маркс, но не решилась повторить путь Александрова. Кобыла не заслуживала такой пытки. Зачем ее мучить, когда можно объехать опасный участок?

– В какую сторону быстрее? – спросила Лера не очень ясно, но Гарун ее понял и неуверенно показал влево.

– Я здесь не был никогда, – признался он. – Сюда нельзя ходить. Тут люди пропадают.

– А друзей бросать можно? – Валерия была настроена решительно. – Поехали, не пропадем!

С этими словами Лера пустила Мери вдоль зеленой преграды. Она верила, что найдет место, где сможет пробраться к цели, не нанося увечий лошади. Должен же быть проход в этих зарослях! И проход нашелся. Но для этого пришлось дать довольно-таки приличный крюк. Нервничая от тревожного предчувствия, Лера, едва только завидев небольшую прогалину, пустилась туда, совсем забыв о предупреждениях горца. Да не очень-то и верилось в какую-то мифическую угрозу. На дворе двадцать первый век, а тут мисти-

кой местечковой пугают!

Как только Мери выскочила на простор, Лера дала ей шенкеля, и та прибавила ходу. Лере просто не терпелось поскорее убедиться, что с Герой все в порядке, и забрать его отсюда. Пусть даже для этого придется бросить его взбесившегося коня. В случае чего Мери и двоих вынесет.

Пологий, но небезопасный из-за свежей осыпи спуск закончился удивительно быстро. Не успела Лера подивиться резкому переходу из света в тень, как тут же задул холодный ветер. И почти в это же мгновение она увидела то самое озеро, о котором с таким ужасом упоминал Гарун. И вовсе оно не страшное. Большое, да, но совсем не страшное! По крайней мере, не нагоняет жути, как этот чертов лес. Какие деревья здесь... противные. Голые, нет, даже скорее чешуйчатые, с длинными обнаженными корнями. Местами поросшие мхом, они словно бы вышли из неудачного голливудского фильма ужасов о появлении живых деревьев-хищников, питающихся человеческой плотью. Почти Уиндем с его «Днем триффидов».

Леру от этих мыслей передернуло. Остановив Мери, она привстала в стремях и осмотрелась. Найти бы хоть какую-нибудь зацепку, в какой стороне искать Александра. Хорошо, если бы сохранились следы копыт, но, как назло, почва вдоль берега была каменистая и мокрая... Мокрая? Странно. Разве здесь такие высокие волны, что заливают берег? Откуда? Озеро, пусть оно и большое, но не настолько,

чтобы ветер мог поднять на нем такие волны.

Не веря своим глазам, Лера спешила и потрогала камни. Сомнений не было, они намокли совсем недавно. Господи, тогда что же получается, Герман именно здесь упал в воду?

– Гарун, – Лера услышала цокот подков и повернулась к подъехавшему спутнику, – ты видишь? Здесь только что была вода! Значит, кто-то упал в озеро! Прямо в этом месте!

– А там? – Гарун, по-прежнему сидя верхом, показал рукой на лужи, темневшие повсюду. – И вон там... Да везде!

Молодой горец огорченно покачал головой. С высоты он видел, что вода была почти на всем обозримом пространстве. Еще одна загадка, ничего хорошего не сулящая.

– Лера, мне что-то не по себе, – тихо сказал он. – Я тебя очень прошу... сядь в седло. Мы должны быть готовы в любой момент убраться отсюда.

Лера молчала. Ей и самой было тревожно, но как можно говорить о возвращении, если они еще ничего не сделали, чтобы найти Геру? Если этому храбрецу так боязно, пусть проваливает! Интересно, что он скажет дома о потере коня? Уж если нет Александрова, то что тогда говорить о метисе? Нет, без Германа коня он точно не найдет.

Лера уже вскинула голову, чтобы сказать это Гаруну, как вдруг увидела, что тот замер, напряженный как струна, и внимательно смотрит в центр озера.

– Что там? – спросила Лера. – Что ты увидел?

– Тише! – Юноша поднял руку, призывая ее к молчанию. –

Слышишь?

Лера устремила взгляд на озеро и прислушалась. Странно, она ничего не видит и не слышит. Он что, разыгрывает ее? Нашел время!

– Бежим! – крикнул Гарун. – Быстрее!

Одним рывком он развернул Карая в сторону кустов и готов был пуститься вскачь, но разве может горец бросить женщину одну?

– Да не копайся ты! – зарычал он. – Сейчас... ох!

Что такое «ох», теперь увидела и Лера. Ближе к центру озера, около того места, где над водой нависала огромная темная скала, образовалась большая, метра три высотой волна и стремительно понеслась в их сторону! Причем волна не расходилась концентрической окружностью, как могло быть, если бы причина ее возникновения была естественной – падение в воду чего-то очень тяжелого или же сильный подводный толчок, а целеустремленно двигалась к ним. Как будто бы к ним несся катер или же какое-то нереально гигантское существо толкало волну перед собой.

– Боже, что это?! – Глаза Леры готовы были выскочить из орбит. – Ой, мамочка, что же будет?!

– В седло! – крикнул что было мочи Гарун. – В седло!!!

Видя, что гостья от накатившего на нее оцепенения совсем потеряла разум, горец подлетел к ней и, схватив за шиворот, одним мощным рывком бросил поперек своего седла.

– Домой, Мери, домой! – приказал он своей любимице и

развернул Карая. – Домой!

Бросив жеребца с места вскачь, Гарун обернулся. Инстинктивно чувствуя, что не успевает и что волна вот-вот их накроет, он послал коня не к кустарнику, для чего ему пришлось бы мчаться вдоль озера, а за ближайшие вековые деревья. Что-то подсказывало ему, что раз те стоят здесь вот уже сотню лет, то и сейчас выдержат и прикроют беглецов от удара.

Бросок Карая к деревьям был стремителен. Конь, казалось, проникся замыслом хозяина. В желании спасти себя и седоков он не щадил своих сил – и сумел-таки сотворить невозможное. В считанные секунды Карай проскочил расстояние, отделявшее троицу от спасительных стволов... и в этот самый момент их настигла волна.

Словно гигантская кувалда ударила в спину Гаруна и в круп лошади, придав им дополнительное ускорение. Сила водного потока была столь ошеломляющей, что на какой-то миг всадник почувствовал, как его коня отрывает от земли и несет в могучем потоке. Их стало разворачивать и тащить боком! Гарун похолодел: теперь достаточно наткнуться на малейшее препятствие, и они опрокинутся.

– Держись, Караюшка, держись! – прохрипел он. – Держись!

Нужно отдать должное Караю – конь пока чудом продолжал сохранять равновесие. Перебирая ногами, он тащил на себе двух людей и еще умудрялся при этом избегать столк-

новения с особо крупными деревьями.

– Господи, да что же это такое?! – истерически закричала Лера.

Захваченный вихрем событий, Гарун совсем забыл, что она по-прежнему лежит поперек шеи скакуна, ноги свисают с одной стороны, голова – с другой. Не захлебнуться в таком положении – задача не из легких. Всеми силами стараясь держать голову над водой и при этом не соскользнуть с мокрой конской шкуры в воду, Лера изогнулась в невыносимо нелепой позе, но на что не пойдешь, когда на кону твоя жизнь.

– Гарун! Я сейчас упаду! – закричала Лера, понимая, что еще пара мгновений – и у нее не останется сил. – Помоги!

– Не упадешь! – прокричал в ответ юноша, вспомнив, наконец, о том, что он не один.

Схватив Леру за ворот рубашки, благо прочная джинса могла выдержать и не такое, другой рукой Гарун подтянул поводья, – хоть и небольшая, а все помощь коню. Инстинктивно он понимал, что главное сейчас – переждать вал, долго такая вода держаться не может. Все мысли Гаруна были сосредоточены на этом, и ни на что иное он не обращал внимания. И, как оказалось, напрасно. Ни он, ни Валерия даже не сразу поняли, что происходит и откуда идет этот страшный, опустошающий душу рев. Он был такой силы, что просто не мог принадлежать ни одному живому существу из всех, что живут на планете. Даже сама земля задрожала от этого низ-

кого, грозного рева. Ничего странного не было в том, что это таинственное существо своим движением подняло такую волну на озере, если от его рыка деревья закачались и с них посыпалась листва.

Неописуемый ужас овладел всей троицей – мужчиной, женщиной и конем. Не смея повернуться и посмотреть, кто их преследует, они думали только об одном – бежать, бежать, бежать! Страх словно превратил их в единое существо, жаждущее лишь одного – спастись!

Кто из них молился жарче своему Богу, неизвестно, но все же кто-то, видно, докричался до него. Поток воды – тот самый поток, что так безжалостно обрушился на тех, кто нарушил покой озера, – пришел им на помощь. Увлекая за собой все, что удалось оторвать от земли, вода хлынула в неглубокую лощину позади возвышенности, тянущейся вдоль берега, неся с собой ветки, щепу, грязь и... коня. Еще не понимая, радоваться им или пугаться, конец ли это злоключению или всего-навсего продолжение, Гарун и Валерия смотрели вниз, куда увлекал их мутный поток, и лихорадочно думали только об одном: как остановиться?

Да только легко ли выбраться из потока, несущегося с такой бешеной скоростью? И вновь Карай показал себя. Скакун, выросший в условиях высокогорья, инстинктивно почувствовал, что нужно делать.

Ощувив под ногами более или менее твердое дно, конь расставил передние ноги и, поджав задние, уперся в него все-

ми четыремья. Таким образом он мог хоть как-то контролировать направление спуска и чуть-чуть, понемножку притормаживать.

Поток пронес их еще метров семьдесят, и вот наконец Карай почувствовал, что земля под ним становится плотнее. Тогда он начал потихоньку отдаляться от стремнины, пока не оказался там, где течение было совсем слабое. Он остановился на берегу, тяжело дыша, покачиваясь на дрожащих ногах и мотая головой.

– Хвала Аллаху! – выдохнул Гарун. – Прав отец, который говорит, что человек, оказавшись на грани смерти, всегда его вспоминает. Никогда еще так не молился!

Поддерживая Леру, чтобы не упала, он помог ей сползти с коня и спешил сам. Ноги погрузились по щиколотку в грязь, но Гаруну даже и в голову не пришло отъехать подальше от потока, туда, где суше. К чему зря перетруждать коня, он и так совсем обессилел, а то, что на нем и на Лере остались одни лохмотья, так какое это имеет значение? Гарун посмотрел на девушку:

– Как ты? Жива?

Валерия бессильно кивнула. Все тело ломило, перенапряженные мышцы, «молчавшие» в минуты опасности, теперь давали о себе знать страшной болью.

– Жива, – сказала она наконец. – До сих пор не верится...

– Честно говоря, мне тоже, – признался Гарун.

– А что это было? Ну, на озере... Что за чудовище у вас

там живет?

Ответа на этот вопрос не последовало. Темные глаза с укоризной взглянули на Леру, Гарун отвернулся.

– Я же предупреждал, туда нельзя, – тихо проговорил он. – С озера еще никто не возвращался.

Девушка вздрогнула, скользнула взглядом по грязи, в которой они стояли, по ногам Карая, заляпанным жижей по самое брюхо, медленно подняла глаза и посмотрела в ту сторону, откуда они только что приплыли...

– Господи Герман! – простонала она. – Там же Герман остался!

Глава 6

Герман приходил в себя тяжело. Голова раскалывалась, в ушах стоял звон, а глаза... Боже, что с его глазами? Он же совершенно ничего не видит! Неужели ослеп? Да нет, не может быть, просто еще не оправился после удара.

Герман вскочил на ноги и завертел головой, надеясь хоть что-то увидеть. Но отовсюду, да-да, отовсюду, со всех сторон и даже сверху на него смотрела темнота. Черная, непроницаемая, она подавляла, душила, пугала и, не давая мыслить, наполняла душу и мозг паническим ужасом. Все забылось, все, что было прежде, уже не имело значения. Что там говорится в поучительной книге о легчике Маресьеве или в полном оптимизма фильме «Истребители»? Да-да, почему бы не порассуждать со вкусом о беде, которая случилась не с тобой. Поговорили и забыли. А беда осталась с тем, кого избрала своей жертвой. Мир для него мгновенно меняется, это уже совсем другой мир – враждебный, злой и тесный. Протяни руку – и коснешься края. А дальше только страх, всепоглощающий страх, и больше ничего.

Герман инстинктивно вытянул вперед руки и пошарил вокруг. Кошмар продолжался, он нигде не находил ничего. Ни деревьев, ни кустов, ни скальной стены... ничего, что могло бы дать хоть какое-то представление о том, куда он попал. Можно было бы попытаться вспомнить все то, что предше-

ствовало беде, но Герман был сейчас не в состоянии что-то вспоминать. Он опустился на колени. Ладони наткнулись на колючие крошки, и это обрадовало Германа. К нему вернулось хотя бы одно знакомое чувство, а в его положении это был уже серьезный прогресс.

Решив, что безопаснее передвигаться на четвереньках, по крайней мере не упадет в случае чего, Герман стал ощупывать пол вокруг себя. Конечно, как и все его коллеги – боевые летчики, он проходил курс выживания в экстремальных ситуациях, только, к сожалению, там не говорилось, как определить на ощупь, что у тебя под ногами. Но в любом случае Александров мог поклясться, что это был... камень. Неровный, не слишком хорошо обработанный камень, холодный, твердый, без щелей, что бывают при искусственной кладке, и шероховатый... Герману смутно вспомнилось, что такая монолитная горная порода обычно бывает светло-коричневого или желтовато-коричневого цвета. А может, и нет – тут же опроверг он сам себя, – может, как раз не желтого, а серого, такого, как гранит, который им показывала учительница природоведения в средней школе.

Неожиданно накатила радость. К нему вернулась способность рассуждать, разве этого мало? Осмелев, Герман осторожно двинулся вперед. Передвигаться на четвереньках было непривычно, но иначе можно угодить в пропасть – каменная поверхность в любой момент может кончиться, а что там внизу, один бог знает... или, как сказал бы местный житель,

Аллах.

Герман вспомнил по ассоциации Гаруна и его маму Загидат, и тут же перед его мысленным взором возникло лицо Валерии. Теперь, когда он потерял внешнее зрение, внутреннее, вкупе с воображением, стало работать значительно четче, и Герман мог поклясться, что видит каждую мельчайшую черточку милого лица. В ее глазах была тревога. Господи, что же он сидит, она наверняка волнуется!

– Лера! – позвал Герман. – Лера, ты где?

Он помнил, что взбесившийся конь унес его далеко от того места, где были Лера с Гаруном, но ведь и они вряд ли остались там, где были. Наверняка ищут его, нужно помочь им, подать голос.

– Лера! – во всю глотку закричал Герман. – Гарун! Вы где? Я ничего не вижу, идите на мой голос!

Странно как, гулко звучит его голос, как будто кричит кто-то другой. Может, от удара его оглушило? Тогда придется утешаться тем, что хоть вообще сохранилась способность различать звуки.

– Ребята, я здесь! – закричал он вновь. – Где вы, подайте голос, я ничего не вижу!

Герман замолчал. Странно. Голос звучит так, словно он находится в большом, пустом помещении. В голове мелькнула одна мысль, но Герман тут же ее отбросил. Глупости все это. Что за зал такой может быть среди гор, в почти безлюдных местах? Наверняка его просто подводит собствен-

ный слух, и больше ничего. Ладно, вот восстановится нормальный слух... и зрение, тогда все станет на свои места и он еще посмеется вместе со всеми над нынешними страхами. А пока... Черт, ну почему же они не отвечают, ни Гарун, ни Лера? А вдруг он их просто не слышит?

Не слышит? Герман ударил ладонью по полу и с радостью убедился, что слух в порядке, в этом можно не сомневаться. Но даже если предположить нереальное, поставить под сомнение его способность слышать и допустить, что ребята ему отвечают, а он не слышит, то все равно они уже могли бы его найти.

Уж прикосновение он почувствовал бы. Тьфу, чушь, несусветная! А может, он вообще бредит? Или спит?

Неожиданно откуда-то, словно издалека, донесся гул. Он усиливался, но Герман никак не мог определить, откуда он идет и что означает этот звук. Гул нарастал, теперь Герман почувствовал его даже ладонями, прижатыми к каменной поверхности. Она мелко подрагивала.

В душу стал заползать страх. Гул приближался. Только этого не хватало. Надо срочно где-то укрыться. То, что может издавать такие звуки, раскатает его в блин и даже воинского звания не спросит!

Черт, как же тяжело быть слепым. Быстрее бы зрение возвращалось!

Не поднимаясь с четверенек, Герман быстро двинулся вперед. Никакой преграды на пути не встретилось, да и про-

вала, слава богу, тоже. Герман приободрился. Еще бы знать, в том ли направлении он движется... Вдруг все наоборот? Вдруг то место, которое он только что покинул, и было самым безопасным? Тогда плата за ошибку будет очень высока!

А гул между тем все приближался. Герман мог поклясться, что уже различает некоторый ритм в этом усиливающемся звуке, но радости ему это не добавляло. Ведь он все еще не мог определить, с какой стороны надо ждать опасность. Вроде бы справа... Да-да, скорее всего так!

Герман по привычке повернул голову направо и увидел? Господи, он видит! Пока, правда, лишь странные легкие всполохи, но разве этого мало? Он видит! Видит!!!

Зрение улучшалось с каждой секундой. Всполохи становились все ярче, уже можно было сказать, что они красновато-желтые. И светились они в той стороне, откуда шел звук... Нет, неспроста все это, ох неспроста! Чем быстрее найдешь укрытие, тем будет лучше.

Лучше бы не встречаться с неведомым существом, которое между тем стремительно приближалось. Тем более что Герману было уже ясно, в каком направлении нужно двигаться. Суетливо ощупывая пространство перед собой, он стал перемещаться в сторону от пути, по которому, очевидно, намеревалось прошествовать неизвестно что. Был бы он в воздухе, сказал бы, что уходит с курса, но, находясь в такой нелепой позе – изображая в лучшем случае луноход, – он,

естественно, думал приземленнее.

Первая по-настоящему яркая вспышка ударила по глазам в тот момент, когда Герман, по его расчетам, прополз уже метра два. Свет, правда тут же погасший, был настолько силен, что Герман невольно закрыл глаза и вытер тыльной стороной ладони выступившую слезу. Ему не удалось ничего увидеть, но само то, что зрение вернулось настолько, что приходится смежать веки, чтобы сияние не слепило, радовало его несказанно. Теперь бы еще избавиться от...

Додумать он не успел – от новой вспышки глазам стало больно даже сквозь опущенные веки. И чем ближе был грохот, тем они чаще становились! Майор почувствовал, что надо уходить с дороги поскорее. Он рванул вперед... и тут же был наказан. Все-таки бегать на четвереньках не слишком удобно. Наступив коленом на собственные же пальцы, Герман повалился ничком и больно ударился лбом обо что-то твердое.

Пощупав здоровенную шишку на лбу – и когда только вырасти успела, – Герман провел рукой по преграде. Это была... стена? По крайней мере, в том месте, где он находился, без сомнения! Гладкая, словно бы отполированная, холодная. Но это дойдет до Германа позже, а сейчас он, по глупости открыв глаза, как раз когда вспыхнул ослепительный свет, просто прижался к стене, моля Бога, чтобы все это поскорее кончилось и то неведомое, что несетя на него, прошло мимо.

Это неведомое приближалось. Герман больше не осмеливался открывать глаза, все равно ведь, смотри не смотри, ничего не увидишь. Лучше глаза поберечь. И все же он не вытерпел – в тот момент, когда, по его расчетам, до чудовища оставалось метров десять, он, тщательно прищурившись, повернулся к нему лицом. Вспышки были такие короткие, что рассмотреть что-то было почти невозможно – это все равно что пытаться разглядеть лицо фотографа в тот момент, когда он включает фотовспышку. И все-таки Герман увидел... увидел, как что-то огромное, пышущее тяжелым горячим дыханием поравнялось с ним и, едва не задев, пронеслось дальше. Те же вспышки, тот же грохот, но теперь в другом конце коридора... Коридора? Коридора?!!!

* * *

– Загидат! – Курбан повернул голову в сторону открытой двери веранды. – Загидат!

Вместо статной и полнолицей супруги хозяина появилась его дочь, худенькая стройная девочка лет десяти-двенадцати с круглыми глазами и солнечной улыбкой. Она бросила любопытный взгляд на гостей и застыла, не отрывая глаз от отца. Весь ее вид говорил о том, что она с радостью выполнит любое его поручение и справится не хуже мамы. Ну разве что чуть-чуть ей уступит, но только ей, и больше никому!

– О, Аминочка пришла! – расплывшись в улыбке восклик-

нул Курбан и повернулся к Панаме и Мартину. – Моя самая любимая дочурка!

При этих словах отца девчушка зарделась от смущения.

– А мама где? – спросил Курбан, делая вид, что ничего не заметил. – Куда все запропастились? Гарун еще не вернулся?

– Мама на кухне, там соседка пришла! – Амина опять посмотрела на приезжих. – Но ты скажи, я все принесу! Я умею!

– Да ну? – засмеялся отец. – Вот какая помощница у моей Загидат! А вот мне помогать некому. Гамид убежал, Гарун кататься уехал. Так как, он еще не вернулся?

Девочка посерьезнела и отрицательно дернула головой.

– Странно. – Курбан нахмурился. – Такого еще не было, чтобы он так... Ты не думай, – заговорил он, повернувшись лицом к Панаме, но глядя на Мартина, – он у меня парень ответственный. Просто ума не приложу, что могло такое произойти, почему их так долго нет?

Геннадий не поверил Алиеву. И не только потому, что тот, говоря это, бросил быстрый взгляд на дочь, словно предостерегая от чего-то. Сам его тон наводил на сомнения. Было ясно, что Курбан очень встревожен, хотя и пытается это скрыть. При чем он знает, чего боится, иначе с чего бы он так переживал. Подумаешь, загуляла молодежь, ну опаздывают, чего ж так напрягаться? Нет, по всему чувствовалось, что Алиев опасается чего-то определенного.

– Курбан, скажи откровенно, – спросил Панама, – здесь

опасно?

Еще в первые минуты знакомства они решили обойтись без лишних церемоний и обращаться друг к другу на ты.

– Что ты имеешь в виду? – вскинул бровь хозяин дома, легким взмахом руки отсылая дочь обратно к матери.

– Ну, мало ли какие могут возникнуть проблемы... – уклончиво проговорил Геннадий. – Чечены, бандиты...

– У чеченцев и без нас головной боли хватает, – со вздохом сказал Курбан. – Им бы у себя разобраться. А бандиты... бывает, что где-то они и появляются, но не здесь. Можешь не верить, но в наше селение они ни разу не заходили. Хотя, казалось бы, на самой границе стоим, где бы и объявиться, как не тут. Ваххабиты тоже нас обходят стороной. Были как-то раз до войны... до второй войны, как вы ее называете. А как бои у соседей начались, этих кастровцев как ветром сдуло.

– Постой, как ты сказал? Кастровцы? – усмехнулся Геннадий. – Это почему? Из-за бороды?

– И из-за нее тоже, – кивнул Алиев. – Да и такие же неугодные. Вон, довел Фидель Кубу до ручки, не без нашей помощи, конечно. А ведь как всех в рай зазывал! Теперь вот эти... Нет чтобы на Афган посмотреть, там эти воины... Язык не поворачивается назвать это отродье святым именем, превратили страну в концлагерь! Религиозный концлагерь, и всему миру говорят, идите под нас, мы и вам такую жизнь устроим. Пойдете нашим путем, и ваша страна в Средневековье вернется. А потом удивляются, как это люди не хотят

их поддерживать. И все свою бескомпромиссность демонстрируют! Но кастровцам время помогло, тогда еще не все узнали, что такое власть слуг гегемона. А вот ваххабитам сочувствие найти труднее.

– Ну, если все так хорошо, тогда почему ты так... беспокоишься? – в упор спросил Панама. – Покатаются ребята и приедут! Или есть что-то такое, о чем ты не хочешь говорить?

Курбан вздрогнул. Даже не слишком пронизательный человек не мог бы не заметить, как тяготит хозяина необходимость утаивать от гостя неприятную информацию. Геннадию показалось даже, что вот сейчас он отбросит свою скрытность и все расскажет, но тут вмешался Свенсон.

Швед знаками показал Геннадию, что хочет говорить и просит позвать Валерию. Капитан тоже знаками дал понять, что не может пока выполнить его просьбу. Фигура из пальцев обеих рук и содержимое пяти рюмок водки, выпитых за обедом, помогли ему довольно образно изобразить конную прогулку.

– Лера, Герман и Гарун! – несколько раз повторил он во время своей пантомимы.

Мартин кивнул и в ответ приложил кулак к уху. По всей видимости, это должно было означать, что он желает позвонить. Нет проблем! В машине «Инмарсат» с автоматической настройкой на спутник.

– Ноу проблем! – Панама для убедительности поднял ла-

доть правой руки. – Проблем ноу! Гоу авто!

Рыжий капитан встал и, приложив руку к груди, обратился к хозяину дома:

– Извини, брат, иностранец поговорить захотел! Нашел блин время! – Панама хотел предложить перед уходом выпить на посошок, но, вспомнив, что они никуда не уходят, махнул рукой. – Сам понимаешь, начальство. Эх, что за люди, любой разговор поломают! Не понять им нас, русских! Эх, знал бы...

Геннадий не договорил. Тяжелая рука скандинавского гиганта легла ему на плечо. Капитан плюхнулся на то же место, с которого только что встал.

– Ты чего? – всполошился он, но Мартин сделал успокоительный жест рукой, сиди, мол, я сам разберусь. Он протянул руку. Ах да, швед просит брелок дистанционного управления и ключи от машины.

– Ага, вот они! И правда, чего всем ходить? Взрослый человек, сам во всем разберешься! – согласно закивал Панама. – Вот, пожалуйста!

Швед направился к двери, Геннадий посмотрел ему вслед и повернулся к Курбану.

– Вроде бы и мужик нормальный, – он кивнул в сторону окна, – а все не наш. Не понимает вещей элементарных! Ни посидеть с ним за бутылочкой, ни пообщаться! Вот мы с тобой, как люди, сели, выпили, поговорили... ближе стали. Я тебя лучше понимать начал, ты меня тоже. А Мартин, он как

бы и с нами, и нет! Не пьет, с бабами его ни разу не заметил. Странный какой-то. Будь я на его месте, Лерку бы... Ну да ладно, деньги хорошие платит, и на том спасибо! А что не пьет, так нам больше останется.

Панама громко рассмеялся и посмотрел на собеседника. А заметив нетерпеливый взгляд, брошенный тем в сторону ворот, вспомнил, что так и не получил ответа на свой вопрос.

– Так что ты там говорил про ваше озеро? – вкрадчиво спросил он. – Какая беда у вас там завелась?

Курбан медленно повернул голову и посмотрел в глаза гостя. Взгляды встретились, и Геннадий, повидавший многое, не раз ощущавший на себе тяжесть генеральских взглядов, вздрогнул. Господи, лучше бы он не спрашивал, пронеслось в голове капитана. На что ему сдалась эта дурацкая лужа с ее тайнами? Да и какое такое может быть озеро так высоко в горах? Небось запрудили какой-нибудь горный ручей и насочиняли бог весть что!

Но почему тогда так помрачнело лицо хозяина дома? Почему так побледнела кожа на костяшках его пальцев, сжатых в кулак? Нет, брат, все не так просто.

– Гена, – горец произносил слова твердо, но было видно, как трудно это ему дается, – ты... вы все мои гости. Я, моя семья, мои дети, мы все несем ответственность за вас. За вашу жизнь, за вашу честь, за свободу. Понимаешь, есть вещи, которые не нужно трогать. Тайны, которые нужно просто принимать и не пытаться разгадать... чтобы не было беды.

Курбан замолчал. Он резким движением схватил со стола бутылку, уверенной рукой, не пролив ни капли, наполнил две рюмки и знаком, без слов, предложил выпить. Панама с готовностью взял свою рюмку и одним глотком отправил ее содержимое в рот.

– Ладно, раз не удалось оградить ваш слух от нашей беды... от проклятия нашего селения, то кое-что я тебе расскажу. Но перед этим предупреждаю, я скажу не все и не все из того, что я скажу, – правда. Потому как сам ее не знаю. Да и отец, от которого я это услышал, тоже, конечно, не все знал. Сам знаешь, когда что-то передается от деда к отцу, от отца к сыну, сами собой появляются вещи, которых на самом деле нет и не было. – Курбан, решившийся наконец открыть душу, стал заметно успокаиваться. – И еще, с того момента, как ты услышишь то, о чем просишь, ответственность за сохранение тайны, за жизнь людей – твоих друзей, моей семьи, всего селения и еще многих других ляжет на тебя. Ты готов взять на себя этот груз?

Кто знает, возможно, если бы Пономарев был трезв, он призадумался бы, стоит ли ему вообще втягиваться в проблемы далекого аула, но выпитое, хотя и не лишило его пока способности думать, бесшабашности прибавило. Решив, что слова в данном случае излишни, Геннадий просто кивнул головой и ударил себя кулаком в грудь. Дескать, он – скала, будет тверд и молчалив что твой гранит.

Курбан кивнул. Было видно, что он никак не может ре-

шиться и начать свое повествование.

– Знаешь, – заговорил он после долгого молчания и бросил взгляд в окно, – у каждого народа есть свои предания, свои предрассудки. Свои... страшилки, пугавшие предков еще в те времена, когда не было ни электричества, ни книг. Заканчивался очередной изнурительный рабочий день, и приходил вечер. В горах темнеет быстро, стоит только зайти солнцу – и все, уже ночь. А человек устроен так, что ему нужно не только есть, не только работать... он еще и общаться хочет. Ведь, не будь общения, не будь душевных разговоров с друзьями, кем ты тогда станешь? Аллах далеко, жить по установленным правилам не всегда удобно! И только глаза друзей, глаза родственников, перед которыми ты не можешь оступиться, перед которыми ты не можешь поступить так, чтобы потом со стыдом отводить взгляд, заставляют тебя каждый день, каждую минуту выверять свои поступки по совести. И если твоя душа чиста, если ты можешь смело держаться как равный среди таких же, как ты, мужчин, вот тогда и начинаются те самые беседы, когда люди передают друг другу самое сокровенное.

Не знаю точно, когда это было, но, как говорят старшие, война с Белым царем тогда только начиналась. Белым царем в горах всегда вашего императора звали... Не знаю, почему Белым, но так уж сложилось. Третий имам, известный всем как Шамиль, еще только начинал собирать людей, и не все сразу поняли, какая большая и долгая битва предстоит и

сколько людей погибнет...

Ну и вот, жил тогда один чабан. Звали его Муртуз. Был он человек небогатый, работал на других, но все Муртуза уважали и доверяли ему своих овец. Служил он добросовестно, волки у него оставались голодными, а барашки жирными и ухоженными. Просто удивительно было – вокруг все аулы страдали от серых хищников, а в нашем тишь и благодать. А секрет был в том, что помогали Муртузу его овчарки. Ходили даже разговоры, что собаки так его слушаются, потому что он знает язык собачий. Выдумка, конечно, но что-то за этим было. Понимал, наверное, он душу собачью, вот что. Или волки чуяли, где человек добросовестно сторожит, а где так, для вида болтается. У людей ведь тоже так: вор не сразу в дом или магазин полезет, он разведку проведет, посмотрит, можно дело свое сделать или нет. И если там слишком опасно, ни за что не сунется.

Курбан вновь посмотрел в окно. Затем перевел глаза на гостя: может, неинтересно тому, может, заснул? Но зря надеялся, Панама был не из тех, кому безразличны чужие тайны.

– Ты говори, говори, я слушаю! – заверил он. – Что там с Муртузом стряслось?

– Случилось это в тот день, когда погиб один из наших сельчан, – продолжил свой рассказ горец. – В том, что человек умирает, ничего необычного нет, но в тот раз смерть была странная. Грозы в наших горах дело привычное, бывает, что и людям удары достаются. Вон, к примеру, в прошлом

году старушка одна из соседнего аула сено на зиму заготавливала и не заметила, как туча подошла. Пошел дождь, спрятаться не успела, промокла вся. Видит, дождь не кончается, взвалила на себя что собрала и пошла. Ее молнией и шарахнуло. Да, наверное, сжалился Всевышний, живой ее оставил. И, представь, зрение у нее после этого улучшилось. Загидат ее видела, говорит, что у той седина исчезла. Но не всем так везет. В тот день, про который я говорю, и дождя-то не было, а очевидцы утверждают, что ударила молния сверху и убила сельчанина. Думаю, догадываешься, где это произошло?

– У озера? – выпалил Геннадий.

– Чуть выше, – кивнул Курбан. – На горе, что над озером. Похоронили покойного, как положено, в тот же день... Сели молитвы читать, у вас это поминками называется, у нас кургулин. Пришел и Муртуз... Что странно, вечером пришел, хотя, как узнал о беде, обещал еще днем вернуться. Ну, мало ли как бывает, никто ему слова ни сказал. А он как в воду опущенный, не говорит ни с кем... короче говоря, сам не свой.

То ли старики заметили, то ли кто из друзей, но стали спрашивать Муртуза. Как дела, что видел, с кем встречался... Вначале он отмалчивался, но потом разговорился. И сообщил, что действительно сегодня встретил людей. Вначале даже подумал, что это абреки, вели себя так... как нормальные люди не ведут. Их было трое. Они подошли к отаре, выбрали барашка и, не спрашивая никого, зарезали его для

себя. Муртуз возражал, но те его и слушать не стали.

– А как же собаки? – удивился Панама. – Они-то почему не порвали чужаков? Или они комнатные у вас?

– Комнатные? – Курбан чуть не задохнулся от возмущения. – Вот ты попробуй войти в дом, когда здесь меня или Загидат нет, тогда узнаешь, какие у нас комнатные!

Геннадий мгновенно вспомнил пса, который сегодня встречал хозяина дома. Да уж, с таким на медведя можно ходить! О чем он и поспешил сказать Курбану.

– То-то же, – удовлетворенно кивнул Алиев. – А это, между прочим, потомки его собачек! Помельчали, правда, у Муртуза они крупнее были. И не один кобель был у него, а целых четыре.

– И что?

– А то, – буркнул Курбан. – Убежали они.

– Как это?

– А вот так! – Горец вновь посмотрел в окно. – Вначале бросились на чужих, а потом вдруг завыли и убежали. Они вообще больше не вернулись. Люди говорят, что после этого новые волки появились, черные, большие и совсем никого не боятся. Ни человека, ни своего брата, овчарку.

– О, я слышал о таком! – воскликнул Геннадий. – Или в газете читал. Ученые потом писали, что такого быть не может. Что это сказки...

– Дураки они, эти ваши ученые. – Курбан привстал и выглянул в окно. Что-то горланно крикнул бегающему во дво-

ре Гамидику и вернулся к разговору. – Ваших бы ученых... Вред от них один.

– А Муртуз что сделал? – Панама следил, чтобы разговор не перешел на другое. – Он что, не пытался объясниться с грабителями?

– Пытался! И с кинжалом на них кинулся! Хотя был один, а их трое. – Горец поднял глаза и посмотрел на гостя. – Но не добежал. Молнией его ударило.

– Молнией?

– Молнией, – кивнул Курбан. – А когда пришел в себя, видит, чужаки стоят над ним и ждут, пока он в себя придет. Он снова за кинжал схватился, да только те быстрее были. Приложили так, что Муртуз нескоро пришел в себя. И сказали, что теперь озеро принадлежит им и чтобы никто не смел туда соваться. А за это, мол, они нам дадут молодость и здоровье. Защиту обещали.

– И что, ваши согласились?

– Какой согласились? – возмутился Алиев. – Не мужчины, что ли?

– А что сделали?

– Сначала всем не верилось – так в горах себя не ведут! А потом решили проверить, Муртуз ведь был не такой человек, чтобы глупости болтать. Собрались крепкие ребята, вооружились, как и положено, выбрали старших, кто пойдет с ними, и отправились...

Горец не договорил. Неожиданно, в очередной раз глянув

в окно, он вскочил из-за стола. Панама подумал, что это вернулись ребята, и тоже подхватился, но двор был пуст.

– Что случилось? – спросил он. – В чем дело?

– Да товарищ твой. – Курбан показал на машину. – Он, как поговорил по телефону, вышел за ворота, и до сих пор его нет. Нехорошо это! Чужой человек, языка не знает... Мало ли что может случиться? А позор потом на мой дом ляжет! И Гаруна, как назло, все нет и нет. Ты посиди, а я пойду посмотрю, где он.

– Нет, я с тобой! – Панаме стало неловко. Увлекся разговором и совсем забыл про шведа. А ведь он словно ребенок, заблудится и даже помощи попросить не сможет. – Елки-палки, что же это я! Совсем голову потерял!

Ругая себя последними словами, он выскочил следом за Алиевым, который трусил к воротам. Выскочив на пыльную дорогу, прорезающую все село, они стали нервно озираться. Мартина не было.

Курбан что-то выкрикнул на своем языке и стал стучаться к соседям. Не дождавшись, пока те откликнутся, он открыл калитку и, увидев кого-то из домочадцев, стал что-то быстро говорить. Оператор не понял ни слова, но и так было понятно, что речь идет о шведе.

Не прошло и минуты, как Алиев вышел и перебежал к другому дому. Он забарабанил кулаком в дверь и, не услышав ответа, повернулся к Геннадию.

– Чего стоишь? – крикнул горец Панаме. – Иди по той

стороне, спрашивай у людей! Не дай Аллах, он ушел...

О том, куда мог уйти Свенсон, Курбан вслух не сказал, лишь сокрушенно махнул рукой, но Геннадий все понял. Озеро! Алиев боялся, что гость направился к озеру!

Геннадий перешел дорогу. Он решил, что начнет двигаться от магазина влево. Почему именно влево? Да очень просто, в той стороне находилось чертово место, которого уже и он стал бояться.

Подойдя к деревянной некрашеной калитке, Панама заметил синюю кнопку в правом верхнем углу. Позвонил и, не услышав звонка, нажал на кнопку еще раз. Залаяла собака, за дверью послышались неспешные шаги. Дверь открылась, и показалась голова в темном платке.

– Извините, уважаемая. – Панама приложил руку к груди. – Мы ищем своего товарища...

Договорить ему не дал Курбан. Получив очередной отрицательный ответ, он, увидев, что Геннадий пытается расспросить еще одного человека, который, дай бог, может сообщить что-нибудь важное, подбежал и, не дожидаясь, пока гость закончит объясняться, заговорил громко-громко, так, что было слышно, наверное, в самом конце улицы.

Женщина – на вид ей было за пятьдесят, – что-то еще добавила, а потом показала рукой направо. Курбан сердито качнул головой и опять что-то спросил.

Та снова кивнула и уверенно показала вправо. Если смотреть от дома Алиевых, получалось влево!

Глава 7

Лера окинула взглядом холм, с которого они только что спустились.

– Господи, Гарун, мы должны вернуться! – воскликнула она. – Там же Герман!

– Что, прямо сейчас? – В голосе парня сквозила издевка. – И не страшно?

– Слушай, а что это было? – спросила Лера. Перед ее глазами как будто снова появилось озеро, накатывающий на берег страшный вал. Девушка поежилась. – Кто живет в вашем озере?

Гарун не ответил. Он ласково похлопал по шее коня, спасшего сегодня две жизни, не считая своей, и повел его к дороге.

– Сейчас грязь начнет застывать, – бросил он на ходу, – лучше уйти отсюда. Вдруг она как бетон станет? Будешь как в «Джентльменах удачи» камнем штаны разбивать.

Не оглядываясь на спутницу, он, высоко поднимая ноги, двинулся вниз. Постепенно забирая правее потока, Гарун вел измученного Карая так, чтобы тот не поскользнулся и не упал. Опасения горца были небезосновательны, скакун так устал, что едва держался на ногах. Что же, он сделал все для людей, теперь настало время отдавать ему долги.

Леру обидело такое пренебрежительное отношение, но

она понимала, что осталась в живых только благодаря реакции юноши и выносливости коня, а потому проглотила обиду и побрела следом.

Идти было нелегко. Скользкая жижа противно чавкала под ногами, неприятно холодила босые ступни – босоножки она потеряла еще там, наверху. Но долго шлепать по грязи не пришлось, вскоре стало суше, потом под ступнями оказалась трава. Валерия остановилась и стала обтирать пучками травы грязь с ног. За этим занятием и застал ее грозный окрик:

– Стоять! Руки за голову!

Лера подняла голову и увидела двух военнослужащих в камуфляжной форме. Один из них держал на прицеле Гаруна, другой с удивлением рассматривал Леру.

– Руки за голову! – с угрозой повторил тот, что носил погоны старшего сержанта. – Кто вы и откуда?

Лера посмотрела на свои грязные руки и демонстративно повертела ими перед собой. Весь ее вид говорил: «Господа, вы что, ослепли? Разве вы не видите, что перед вами слабая женщина, нуждающаяся в помощи?»

– Чего кривляешься, сука? – заорал сержант. – Снайперша небось? А ну руки за башку или я стреляю!

– Э, ты что! – не выдержал Гарун. – Это наши! Она из...

Парень не договорил – приклад автомата попал ему в левую часть головы и он упал. Кровь брызнула на зеленую траву.

– Что, чичики, попались? – засмеялся рядовой. Его авто-

мат смотрел в грудь Валерии. – Паш, чур я первый ее допрашивать буду! Или давай вдвоем... Она у нас все расскажет!

– Документы! – Сержант, которого напарник назвал Пашей, продолжал внимательно следить за каждым движением Леры. – Ваши документы!

Господи, да какие могут быть у нее документы? Они же остались в сумке, а та в машине! Но разве и так, без документов не видно, что она не боевик и никакого отношения к чеченцам не имеет? Он что, слепой, этот Паша, не видит, кто перед ним?

– У меня документы... в селении, – пролепетала Лера. – Мы поехали кататься, и я оставила их в машине.

– Кататься, говоришь, поехала. – Сержант с кривой ухмылкой кивнул на Гаруна, который стоял на коленях и явно был в полубеспамятстве. – Вижу, какого жеребца ты себе выбрала для катаний. Смотрю, хорошо он тебя откатал, даже обувь потеряла.

– Да как вы смеете?!!

– Заткнись! – прорычал сержант. – Заткнись! Качан, наручники на обоих!

Рядовой, тот, что ударил Гаруна, с готовностью достал из-за пояса металлические браслеты и заломил руки Алиева за спину. Следом пришла очередь Леры. Дабы избежать лишнего насилия, она сама заложила руки за спину и повернулась к мучителям. Качан защелкнул наручники, провел рукой по бедру девушки, затем больно сжал ей грудь.

– Ух, сладенькая! – заржал он. – Паш, ну давай их прямо здесь допросим! Одного при попытке к бегству, а ее... как ублажать будет!

– А что, мысль неплохая! – вновь ухмыльнулся сержант. – Сразу в две тяги и распишем! Как, тварь, нравится тебе такой расклад?

Лера молча посмотрела ему в глаза. Все происходящее казалось страшным сном, хотелось поскорее проснуться и убедиться, что все это кошмар, и больше ничего. Ведь не может же все быть так ужасно! Открыть глаза и увидеть своих – Германа, Мартина, Панаму... А главное – забыть эти мерзкие рожи!

– Молчишь? – не унимался Павел. – Или тебе мешает твой... жеребец? Так мы его сейчас мерином сделаем! Или вообще трупом!

Сержант вскинул автомат и направил его на Гаруна. Тот все еще оставался на коленях. Кровь, стекая с головы, залила плечо и шею.

– Ну что же, прощайся с ним! – Палец сержанта лег на спуск.

Неожиданно запищала рация, висевшая на груди Павла. Покосившись на напарника, он усмехнулся и опустил автомат.

– «Тридцатый»! – буркнул он в микрофон.

– «Тридцатый», я «Второй»! – прохрипел динамик. – Доложите обстановку!

Павел посмотрел на пленников. Переглянулся с напарником. Тот кивнул.

– Все в порядке! – Кривая улыбка не сходила с лица сержанта. – У нас все тихо!

– Будьте внимательны! – вновь захрипел динамик. – Я жду гостей, встретите, проводите ко мне! И смотри, чтобы и волос с головы не упал! Иначе, ну сам понимаешь, не маленький! Все, конец связи!

* * *

Александров растерянно посмотрел вслед удаляющимся вспышкам света. Он так и не понял, что это было, но сейчас его мысли были заняты другим. Что это за подземелье, в котором он оказался? Да, все так: вспышки длились не более чем небольшую долю мгновения, после чего свет резко обрывался и воцарялась тьма, казавшаяся еще более глубокой, чем прежде; да, все мысли и чувства Германа были сосредоточены на чуде, пронесшемся мимо него с оглушительным грохотом! И все же... все же где-то в подсознании сработал резерв памяти, он-то и зафиксировал отраженный свет от боковых поверхностей и свода галереи. И это было не все, что сохранила фотографическая память бывшего летчика. Казалось, от пережитого потрясения он должен был бы забыть все на свете, но нет – словно на киноэкране, перед его глазами прошли кадр за кадром события, предше-

ствовавшие его беспамятству. Бешеный, неуправляемый галлоп Маркса, клонящаяся, уходящая куда-то вниз опора, поперечная балка... Воспоминание было столь живо и свежо, что летчик даже зажмурился, как перед настоящим ударом.

Удара не последовало, вместо него пришло понимание странного факта, что он находится в подземелье. Да-да, в самом настоящем подземелье! Широкое, шагов десять, а то и более, высотой как минимум метров пять, но все равно подземелье, и ничто иное. Кто, когда и зачем построил его здесь, в горах? Ведь в том, что оно искусственного происхождения, сомнений не было. Думая о механизме, с помощью которого он оказался здесь, Александров пришел к однозначному выводу: не может быть и речи о том, что это природные пещеры. Хотя нет, сами-то пещеры, может быть, и настоящие, но вот то, что доработаны они человеком, – несомненно. Чтобы вот так, сама собой возникла эта замысловатая ловушка? Да нет, это просто смешно...

Как он сказал, ловушка? Ловушка?!!! Ловушка на кого? На него? Твою мать, а ведь точно, он в ловушке и есть! Да-да, скрытый механизм подъемно-запорного устройства – это просто хитрая западня, и только. Иначе зачем была та ровная дорога, по которой он скакал, прежде чем провалиться сюда? Ловушка! И значит, тот, кто ее поставил, вот-вот явится сюда за своей очередной жертвой?

Черт побери, нужно как можно быстрее убираться отсюда... Герман принялся вертеть головой, хотя, естественно,

ничего не видел в такой темноте. Он никак не мог решить, в какую сторону идти – направо или налево? Направо означало продолжать движение в том же направлении, куда вела дорога... там, наверху, а налево, соответственно, в обратном...

Герман решил идти налево. Почему туда? Да он и сам не знал. Может быть, потому что напугавшее его существо промчалось именно в эту сторону. Оно не причинило ему вреда и даже не обратило на него внимания! Можно было надеяться, что и следующие встречи не будут иметь плачевных последствий. Хотя, может быть, это просто говорила усталость. Вдруг судьба пощадит его и выход из подземелья будет не так уж и далек от селения, где стоит их «додж» и где сейчас ребята? Столько неудач и потрясений, пора бы и удаче проявить себя. Ведь должны же быть у невезения границы!

Воспоминание о селении и накрытом столе придало Герману решимости. Скользя пальцами левой руки по холодной стене галереи – еще в детстве он читал в одной из книжек, что так нужно делать, чтобы не заблудиться, – Герман смело зашагал вперед. Он больше не боялся наткнуться на сюрприз в виде провала, ведь существо, пронесшееся мимо него, фактически проверило путь до самого поворота, за которым и скрылось. Да и потом еще некоторое время видны были отблески вспышек, так что и там можно особо не осторожничать.

Стена была холодной и какой-то странной. Ее поверх-

ность в том месте, где ее коснулся Герман, была гладкой, словно бы отполированной. Но стоило ему сделать три шага вперед, как под пальцами оказалась шершавая горная порода. Герман поначалу не обратил на это внимания, но еще через три шага стена снова гладкой. А потом шершавой. Три шага гладкая, три шершавая, три гладкая, три шершавая...

Размышляя над очередной загадкой неведомых строителей, майор не заметил, как дошагал до преграды. Но предусмотрительно выставленная вперед рука позволила избежать очередной встречи головы с камнем. Герман был готов к повороту, а потому, пошарив рукой вокруг, повернул направо и двинулся дальше, отметив про себя, что угол был не прямой, как это обычно бывает, а острый, градусов в двадцать, хотя в темноте определить наверняка было трудно.

Не теряя времени на размышления, Герман двинулся дальше. И тут же ощутил, что, зайдя за угол, он не только сменил направление, но и стал как будто бы сильнее, увереннее в себе. И шаг стал тверже, и руки больше так не потели...

Наказание за преждевременное успокоение последовало незамедлительно. Внезапно он обо что-то споткнулся – это оказалась невысокая ступенька – и полетел на пол. Громко чертыхаясь, больше из-за неожиданности, чем из-за ссадины на руке, Герман поспешил подняться на ноги... и вовремя. Не далее как в сотне метров послышался неясный шум, мгновенно переросший в грохот, и тут же в конце подземелья появился старый знакомец. Огненные вспышки были со-

всем рядом, Герман еле успел вжаться в стену, освобождая путь этому странному существу. Оно промчалось мимо него и, продолжая вспыхивать, исчезло за поворотом. У Германа к тому времени уже появились кое-какие мысли насчет того, кто этот бегун, хотя уверенности, что он прав, не было, да и возможности проверить свою догадку тоже.

Зато он заметил еще одну особенность: коридор продолжал озаряться всполохами даже после того, как излучающее свет создание уже исчезло из виду. Впрочем, свет вспыхивал и гаснул так быстро, что разглядеть что-либо было практически невозможно. Единственное, что все-таки успел заметить Герман, – это что пол впереди ровный, без всяких сюрпризов, а это в его положении было весьма кстати.

Разочарование поджидало его шагов через сто пятьдесят или чуть больше – Герман ругнул себя, что не додумался с самого начала считать шаги. Он снова наткнулся на преграду. Решив, что это очередной поворот, Герман стал осторожно ощупывать стену, но она тянулась бесконечно и никакого прохода не было.

Сердце вздрогнуло и часто забилося. Не хотелось верить, но все говорило за то, что он попал в тупик. Недаром же это ловушка. Теперь тот, кто так хитроумно ее устроил, может прийти и взять жертву голыми руками.

Лера посмотрела на Гаруна. Она мало что понимала в ра-
нах, но вид парня ей не нравился. Хорошо еще что ехать при-
шлось недолго – воинская часть, куда их привезли, взгромоз-
див на многострадального Карая, была совсем рядом. Стои-
ло только подняться на гору, возвышавшуюся над озером, и
пленники вместе со своими мучителями оказались в забро-
шенном туристическом лагере. Видимо, он остался с тех вре-
мен, когда еще существовал Советский Союз и была необхо-
димость в таких вот высокогорных спортивных лагерях.

В дороге Валерии, которую уже во второй раз за сего-
дняшний день бросили поперек конской шеи, стало плохо,
подташнивало, но она старалась держаться и не привлекать
к себе внимания. Девушка понимала, что чудо в виде прика-
за неизвестного ей «Второго» – не более чем отсрочка. Если
кого-то и ждут, то наверняка не их с Гаруном, а потому, как
только все выяснится, жизнь обоих горе – путешественников
не будет стоить и ломаного гроша. Так что лучше не злить
конвоиров. Оставалось лишь молить бога, чтобы «Второй»
и «Первый», если он там есть, оказались не такими, как их
подчиненные. Верилось в такое чудо с трудом, но что поде-
лать – выбор был невелик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.